

The book cover features a man with long brown hair and blue eyes, wearing a green jacket over a white t-shirt, sitting in a lush, misty forest. Behind him, a dark, muscular, and hairy creature with glowing red eyes stands in a beam of light. A small, lit lantern is visible in the bottom right corner.

ДМИТРИЙ БИЛИК

БЕДОВЫЙ
КНИГА ВОСЬМАЯ

Бедовый

Дмитрий Билик

Бедовый. Второй кощей

«автор»

2026

Билик Д. А.

Бедовый. Второй кощей / Д. А. Билик — «автор»,
2026 — (Бедовый)

Когда оглядываешься назад, вчерашние проблемы кажутся тебе забавным происшествием. Я прошел большой путь. Порой один, но еще чаще со своими друзьями, которыми стала разношерстная нечисть. Но впереди новое испытание – ларь, который нельзя открыть в одиночку. И мне кровь из носу нужен подходящий второй кощей.

© Билик Д. А., 2026

© автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Билик

Бедовый. Второй кощей

Глава 1

Говорят, что перед смертью не надышишься. Впрочем, это вообще в нашем русском характере – встречать любое событие с неизменно грустным лицом (в простонародье – унылым хлебалом) и торопливо пытаться сделать то, что не успел доделать. А уж радоваться перед смертью – совсем странно. Для любых народов.

Но я почему-то чувствовал себя просто отлично, сидя на крытой веранде одного из питерских кафе. К слову, я там был единственный, потому что в столицу на Неве резко пришли холод и противный дождь, который с упорством слабоумного барабанил по крыше. Хотя мне так даже нравилось. Одет я был хорошо, изнутри тело согревал теплый чай, а огромным плюсом являлось то, что на веранде не оказалось людей. Нет, я при желании мог и просто разогнать чужан, но так было лучше, потому что это не требовало усилий.

Я не пытался надышаться перед грядущим событием. Наверное, и потому, что искренне считал, что уже сделал что мог. И будущее у меня точно будет. Даже после башни Грифонов. Да, план казался рискованным, о чем мне не сказал только ленивый, но он должен был сработать, пусть мне и не нравилось зависеть от других людей. Однако Лихо заявила, что и Башке, и Ткачу, и Лео можно доверять. Потому что они искренне боялись. Испуг можно сыграть, но нельзя все время держать его возле сердца против воли. А все они боялись.

Процесс «знакомства» Лео с господами Писарскими прошел, как бы сказать помягче, напряженно. Конечно, они все знали друг друга. Все-таки рубежный Питер – город небольшой, да и начальник у них, можно сказать, один. Так или иначе пересекались. Однако теперь все предстали в новом амплуа – заговорщиков. Что интересно, как позже признался Лео, он тоже не знал о родстве Башки и Ткача. Молодцы ребята, правильно шифруются.

Собственно, весь план, который включал множество компонентов, в том числе чуров, был не сказать чтобы идеальным, но представлялся мне вполне рабочим. Что Ткач и подтверждал периодическим киванием. Правда, он еще порой говорил невпопад какие-то странные слова и пытался то ли подмигнуть, то ли скорчить рожу. Но я списал это на особенности его хиста. Вон до чего дошло – у меня в команде полоумный.

Вся сложность была не в том, чтобы украсть Осколки. А чтобы подумали на кого угодно, только не на нас. Для этого и нужна была кровь Вредителя. Вот тут, кстати, Башка с Ткачом стали спорить.

Кощей утверждал, что моя задумка не прокатит. Слишком все наивно и вместе с тем прямолинейно. Марат же говорил, что я придумал все здорово, хорошо просчитал психотип Вредителя, поэтому задуманное должно сработать.

Я с умным видом согласился, что психотип (что бы это ни было) – наше все. И я на этом психотипе собаку съел, прочитал кучу книжек, в том числе талмуд «Как достать кровь крона, учебное пособие для средних классов». Так что действовать будем именно так. К тому же иных вариантов у меня не было.

Главное, что мы разошлись в целом если не довольные друг другом, то понимающие, как надо действовать. Что тоже вполне неплохо. Я знал, что в одиночку все это сделать было бы невозможно. Хотя Юния и заметила, что я рубежникам нужен больше, чем они мне.

– Вам еще что-нибудь? – поежился официант в белой рубашке, явно желавший поскорее убежать внутрь.

– Можно еще чаю? Только другого, этот слишком сладкий.

– Могу предложить что-нибудь из авторских чаев? Марокканский с корицей, малиновый с имбирем, тропический бриз с персиком, облепиха с грушей...

– Можно просто черный? Без всяких райских фруктов и всего такого. А если будет индийский, то вообще замечательно.

– Не умеешь ты жить на с-с-с... широкую ногу, – усмехнулась Лихо, когда парнишка убежал внутрь. – Прямо как не рубежник.

– Потому что мне это нафиг не нужно. Рябчики, ананасы в шампанском и всякое такое. Можно жить хорошо и скромно. Я буду как тот президент, который на работу на метро ездил. Не помню, где.

– Угу, уже с-с-с... в президенты метишь.

– Я к слову. Ты лучше скажи, готова сделать то, о чем я просил?

– Опас-с-сно... – недовольно протянула Лихо.

– Кто мне каждый день твердит, что хочет есть? Вот тебе вариант, чтобы подкрепиться. Да и мне это тоже нужно.

– Я не уверена, что с-с-смогу остановиться. Для голодного не может быть хуже, чем оторваться от надкушенного куска.

– А я вот уверен, что ты справишься. Поверь, это единственный способ отвести подозрения князя.

– Кто увидел истинную тьму, может с-с-с... не вернуться к свету.

– А кто купил большой баскет в KFC, тот не будет брать картошку фри отдельно. Я тебе таких цитат могу сотню накидать. Хорош нагонять тоску.

– Ладно, буду молчать, – недовольно ответила Лихо. Разве что в конце все же прошипела: – С-с-с...

Правильно. Последнее слово всегда должно быть за женщиной. В том числе если это не слово, а набор звуков. Что удивительно, даже мрачный бойкот Юнии не смог испортить мне настроение. Зато это получилось у мальчика в белой рубашке.

Чай, который он принес, походил на вымоченные в ведре тряпки. Судя по запаху, в ведре с водой из Ганга. Ну, хоть с Индией не обманул. Теперь я начинал понимать, для чего они придумывают авторские напитки, добавляя туда невесть что. Дабы заглушить вкус этого чая. Хотя, может, это меня Гриша испортил? Он вроде ничего особенного не делал. Мыл заварник, обдавал кипятком, сыпал чайники из упаковки. Даже порой травы никакие не добавлял. Но вот то, что выходило из-под его рук, не шло ни в какое сравнение с тем, что я сейчас пил. А ведь придется за эту муть еще полторы тысячи рублей отдать. Потому что центр города и кафе вроде как модное. Хотя у меня такое ощущение, что у них там вместо внятного ценообразования дартс с случайными числами. Куда попадут, то в меню и рисуют.

В общем, я не допил даже половину чашки. Расплатился, прошел через кафе и оказался на улице. Как же хорош Питер в такую погоду! Облака будто задевают купол Исаакия, грузно несет свои воды Нева, погребальными обелисками высятся Ростральные колонны. Эх, скорее бы домой!

Дождь, словно увидев потенциального клиента, забарабанил с новой силой. Благо, мне было куда спрятаться. Верный телохранитель aka представитель тайной древней организации выбежал из машины и открыл дверь. Словно я сам этого не мог сделать.

– Куда? – уселся Лео обратно.

С тех пор как мы встретились с Писарскими, Дракон, как ни странно, успокоился. Словно ему все это время не доставало некоего смысла в жизни или точных формулировок. Хотя именно Лео и была отведена самая непростая задача – достать кровь Вредителя. Или, если быть точнее, собрать.

– Давай домой. Может, поспать получится. Сколько там осталось?

– Четыре часа двадцать минут до полнолуния. Плюс-минус.

– Плюс-минус – это значит, что ты секунды не посчитал?

Лео не ответил. Он как-то не оказался поклонником моего удивительного чувства юмора. Не то чтобы это было обидно, но другой аудитории у меня не имелось. Лихо сама норовила вернуть какие-нибудь шпильки, бес с чертом принимали мои шутки за чистую монету, разве что Алена Николаевна изредка похихикивала. И то надо понимать, что она скоро меня покинет. Да что там скоро – завтра.

Кстати, именно об этом свидетельствовала здоровенная спортивная сумка в прихожей, о которую я и споткнулся. Причем очень обидно. Разулся и сразу влетел мизинцем, самым ненужным из пальцев, когда дело касалось определения твердых препятствий.

– Какого хрена? – вкрадчиво поинтересовался я, включая свет. – У нас что, кто-то спортом решил заняться?

– Привет, Матвей, – выпорхнула в коридор Алена. – А, это мои вещи.

– Твои вещи? Что-то не помню сумок, когда ты сюда въезжала.

– Ну, я что-то из дома привезла, что-то докупила потом. И вообще, чего это я должна оправдываться? Между прочим, за прислужничество ты мне не платишь.

– За приспешничество, – поправил ее я. – Еще бы мне платить. Живешь на всем готовом, аренда на мне...

– Вот значит как?! – в глазах Алены Николаевны – а сейчас хотелось называть ее именно так – блеснули молнии. – То есть я ему полностью быт организую, готовлю, стираю, полы мою, а он вон как запел. Да жены столько не делают! Я, между прочим, вместо того чтобы заказать нормальный чемодан, купила дешевую сумку на маркетплейсе. Все время только о тебе думаю, а ты вон как заговорил. Спасибо тебе, Матвей, за благодарность!

Она даже издевательски поклонилась в пояс. Поэтому я и не стал говорить, что стирает Гриша (как самый сообразительный и разобравшийся в стиралке), полы моет Митя, а готовят они по очереди. Однако какое-то здоровое зерно в словах Алены было. При мне эти охламоны подобным не занимались.

– Ладно, ладно, извини. А что это за звук? Словно труба в ванной свистит.

– Свистит, но не труба. Черт твой с ума сходит. Я уже его и ругала, и грозила, и даже просила – ни в какую.

«Просила» в устах Алены звучало действительно как крайняя мера. Эдакое китайское предупреждение, после которого начинались ад и Израиль.

Я шагнул в проходную комнату, отведенную нечисти, и обнаружил там Митю, который дудел в подаренную блокфлейту. Причем я знал, что он неплохо нахватался за все время и мог исполнить сложную увертюру или какой-нибудь музыкальный этюд. Но сейчас Митя просто дудел, словно debil, выдавая inferнальные звуки.

– Удивляюсь, как до сих пор соседи не сбежались, – недовольно пробурчала в спину Алена.

Учитывая, что за все время в парадной я никого кроме Лео не видел, могу предположить, что квартиры в этом доме ведомственные. В смысле – принадлежат людям князя. Поэтому если возможные соседи и были, то они вполне себе понимали, кто здесь обитает.

– Митя, ты чего? – присел я к черту. – Что случилось?

Увидев меня, черт совсем расстроился. Мне показалось, что на его глазах блеснули слезы.

– Да достал всех, хозяин, ей-богу, – материализовался рядом бес. – Предчувствие у него, видите ли.

– Что за предчувствие? Так, отставить реветь, – это я уже обратился к Мите. – Говори прямо, четко.

– Не чувствую я тебя, дяденька. Словно... мертвый ты. То есть, а то нет.

– В смысле?

– Дай я объясню, два слова толком связать не можешь, – заговорил бес вместо черта. – Нечисть, что подле рубежника живет, начинает с ним связь держать.

– Надеюсь, не половую.

– Это как повезет, – серьезно продолжил Григорий. – Если та же сирия, можно и половую. Оно же бывает и для организма полезно. Потому что если в мужских чреслах застой...

– Так, Гриша, стоп, я пошутил.

– Тьфу ты, а чего путаешь тогда? Если о Митьке или обо мне речь идет, то ты для нас будто светлячок. Можешь далеко быть, но мы тебя словно видим. А сегодня Митя с самого утра начал сопил на кулак наматывать. Мол, мерцать ты начал.

– Мерцать? – удивился я.

– Ну да. Будто то есть ты, то тебя нет. Чертей, конечно, слушать – последнее дело. Они с пьяных глаз могут многое наболтать. Да только тут проблема в том, хозяин, что я вроде как тоже... вижу, что ты мерцаешь.

– А я говорила, с-с-с... – прошелестело в голове. – Напланировал он. Нельзя на меня полагаться.

– Так, все будет нормально, – сказал я одновременно и для Лихо, и для нечисти. – Митрий, отдай сюда дуделку, потом верну. И давайте уже пообедаем! Жрать хочется, сил нет.

За ужином, уплетая солянку бесовской готовки и поглядывая на томящиеся котлеты, я излучал веселье и жизнерадостность. Так, что даже согласился махнуть стопку вместе с нечистью. Думаю, от одной ничего не будет. Собственно, раньше фронтовые давали тем, кто в бой шел. А у меня сегодня нечто подобное и намечалось.

В конце концов, Митя стал все же приходить в себя. Правда, может, всему виной и водочка, которая продолжала разливаться под горячий суп по рюмкам. Алена Николаевна пыталась было внести свои коррективы по поводу «днем не бухать», однако я незаметно махнул ей рукой. Пусть отдыхают. У нечисти сегодня действительно сложная работа – сидеть, ничего не делать и ожидать, когда все закончится. Ведь даже сирия решено было взять с собой.

Поспать мне не удалось. Нет, домашние честно старались. Гриша разговаривал шепотом и всего лишь пару раз уронил табурет на кухне, но сон не шел. Все же слова Мити упали на благодатную почву. Да тут еще и Лихо продолжала негативить:

– Опасно, Матвей, опасно, с-с-с... Может, без того все устроим? И пусть великий князь с-с-с... подозревает, ведь доказательств у него не будет.

– Ага, Святославу именно доказательства и нужны, чтобы кого-нибудь на ноль помножить. И это не только ему. Но и сирия. Сама же говорила на ее счет.

Юния недовольно замолчала. Что интересно, впервые за все время я чувствовал, что она... боится. Нет, когда Лихо уходила в плен к Созидателю, там было нечто похожее. Вот только сейчас она боялась за меня. Чудны дела твои, Господи.

В общем, я проворочался несколько часов в темной комнате, чувствуя себя преглупо. Словно был маленьким мальчиком, которого заставили спать перед встречей Нового Года, а ему этого совсем не хочется. Скорее бы к елке, чтобы найти подарок, потом дожидаться, когда перестанет говорить дядька по телевизору и начнут взрываться фейерверки за окном.

У меня взрывался разве что мозг. Впрочем, от мучений я был освобожден стуком по батарее. Не зря попросил Лео дать знак, когда надо будет выходить, с небольшим запасом. Он надежнее любого будильника. Конечно, нарваться на пробки ночью в Питере маловероятно, да и до развода мостов мы успеваем, но все же.

Бес с чертом, как и положено честной и хорошей нечисти, упились до беспамятства. Точнее, храпели на диване в гостиной, куда их, по всей видимости, отволокла Алена. Причем Гриша выводил удивительные рулады. Всегда удивляло, как в таком крохотном существе хранится столько храпа.

Сама приспешница (пока еще) сидела на стуле в прихожей в позе «скоро должен подойти мой поезд». Даже легкую куртку накинула. Может, у них действительно с Анфаларом неземная любовь. Вон как она к нему рвется. Хотя чего это – конечно, неземная. Он же со Скугги.

– Ты помнишь, что от тебя требуется?

– Матвей, я не дура, – сказала она. – Ты лучше за сирина побеспокойся.

– Да, сирина надо проверить.

Мы выбрались на улицу. Дождь перестал лить, но промозглость не уходила. Видимо, природа всеми силами давала понять, что о теплых деньках можно забыть.

Лео подхватил у Алены дорожную сумку и закинул ее в багажник. Я же поднял руки, обращаясь к небу, и помахал. Ерга не заставила себя ждать. Вновь спикировала непонятно откуда, будто вынырнув из тьмы. Меня даже стали одолевает сомнения: правда ли надо от нее избавляться? Есть не просит, слезы волшебные. Да, изредка кошмарит особей женского пола. Но ведь у каждого свои недостатки. А потом я вспомнил про Зою. Нет, не хотелось бы, чтобы красивое лицо девушки приобрело несколько шрамов. Они украшают мужчин, а не женщин.

– За нами следуй, хорошо?

– Хорошо, любимый, – обнажила в хищной улыбке треугольные зубы сирина и взмыла в ночное питерское небо.

Нет, может, мне и не надо было ничего говорить. Глядишь, она бы и так отправилась вслед за машиной Лео. Но в таком деле перестраховка лишней не бывает. Все должно пройти так, как и задумано.

– Твою поклажу в багажник? – спросил Лео.

В его вопросе был смысл, потому что сейчас рюкзак оказался набит до отказа – я вытащил со Слова почти все. Вдобавок из него еще торчала рукоять меча. Того самого, который тоже должен был сыграть свою партию.

– Нет, рюкзак я никому не отдам.

А сам набрал Марата:

– Привет, ну что там?

– Мы на месте, – в голосе Башки послышалась дрожь, так ему несвойственная. Обычно правая рука князя не проявлял сильных эмоций. Разве только если я его бесил. – Мы все на месте.

Он сделал упор на слове «все». Это означало, что кто-то из чуров находится рядом с Писарскими. Укрылись они, кстати, всего в паре кварталов от башни Грифонов. Лишь для того, чтобы Леопольд успел вовремя.

– Тогда ждите, – сказал я и повесил трубку.

Я устроился рядом с Аленой. Лео сел за руль, но трогаться не спешил. Он внимательно смотрел на меня через зеркало заднего вида. И я понимал, чего именно ждет Дракон. Он словно давал мне возможность еще раз все хорошенько взвесить и обдумать. Мало ли, вдруг я дал где-то маху и еще можно исправить эту промашку.

Я даже вспомнил бабушку и ее вечное «посидеть на дорожку». Ездили мы, правда, нечасто, и почти всегда к ее сестре в Сестрорецк, когда та была еще жива. Но каждый раз четко проходили через установленный ритуал.

Все возвращается к истокам. Так или иначе. Только под задницей теперь не коричневый фибровый чемодан, а кожаное сиденье «Гелика». Но суть осталась прежней. Я пробежал по всем реперным точкам в плане, будто пытаюсь взглянуть на него чужими глазами. А потом кивнул. Вроде ничего не забыли. Вслух же сказал только одно слово, чувствуя себя почти Гагариным:

– Поехали!

Глава 2

Что возле башни Грифонов затевается нечто масштабное, стало ясно еще по выставленному оцеплению. Такое ощущение, что великий князь согнал сюда всех ратников, потому что кое-где я встретил даже трехрубцовых ивашек. Понятно, что те, скорее всего, нужны были, чтобы отгонять чужан, но сам факт, что называется, налицо.

Через аптеку нас пустили без всяких дополнительных согласований, пусть один из кощеев и посмотрел на Алену неодобрительно. Вроде как – чего это пустомеле тут делать? На его взгляд я ответил своим. Как-то в последнее время удачно получалось превращать поверхность моего лица в подобие кирпича. От былой застенчивости не осталось и следа. Я даже пришел к выводу, что если стесняться каждого хмыря, то жить станет просто некогда. Да и эта жизнь будет принадлежать не мне, а конкретно всяким хмырям. Поэтому временами нужно быть понаглее и не сокрушаться по поводу того, что о тебе подумают. В конце концов, все равно все умрем. Надеюсь только, что не сегодня.

На Лео меж тем никто не обратил никакого внимания, что меня полностью устраивало. Не хотелось бы скандалить, чтобы телохранителя впустили внутрь. Я собирался делать вид, что того вовсе не существует. К тому же это было не сказать чтобы сложно.

Пространство вокруг башни оказалось заполнено кощеями всех мастей. Если бы тверским пришло в голову сбросить сюда какую-нибудь магическую бомбу, завтра можно было бы брать Новгород голыми руками. Я даже не пытался попробовать посчитать всех рубежников. Вообще непонятно, что именно они тут делали. Нет, кто-то охранял периметр, другие переговаривались, остальные просто слонялись, демонстрируя бурную деятельность. Это такая старая русская забава – даже если тебе совершенно нечего делать, надо обязательно нечто изобразить. Чтобы ненароком не нарваться на гнев начальника. Так всегда было – и в ресторане, и когда я работал сторожем, и, само собой, в армии. Оказалось, что рубежники в некоторых вещах не так уж отличаются от чужан.

К слову, я заметил несколько знакомцев, включая «некрасивого» человека, по версии Алены Николаевны. Как же его? Фамилия еще такая героическая. Точно, Исаев. Только зовут Олегом.

Я поднял голову, рассматривая ночное небо из колодца питерского двора. И удовлетворенно выдохнул, увидев пролетающую сири́н. Угу, значит, не отстала.

– Здравствуйте, Ваше Величество.

Я даже поклонился Святославу. Скажу больше, без всякого внутреннего презрения. Как-то смирился я с его вынужденным присутствием в моей жизни. На счастье, Вредитель стоял по правую руку от князя. Сухой, невысокий, с отпечатком русской хтони на иссушенном годами лице. Значит, я правильно определил этот, как его, психотип крона. Я и рассчитывал на его близкое нахождение от княжеского тела.

– Матвей, – ответил Святослав, сразу перейдя к делу. – Это и есть твоя команда?

Я обернулся.

– А, нет, вот этот, – я указал на Лео, будто даже пренебрежительно, – не нужен. Чем мне ведун может помочь? А вот приспешница – да, в команде. Вы в курсе, что она пустомеля?

– Конечно, я знаю, – нервно ответил Святослав. – Мне докладывали.

Было заметно, что он честно пытается разговаривать со мной спокойно, но, видимо, сам факт моего присутствия негативно сказывался на ментальном здоровье правителя. Оно и понятно – я сам себя иногда подбешиваю. А как Мотя Зорин со стороны выглядит – даже подумать страшно. И я сейчас не только про уши.

– Она будет меня подстраховывать. Вдруг получится нейтрализовать стража лабиринта.

– Как тебе угодно, – торопливо отмахнулся князь. – Главное, чтобы все было готово.

– Почти готово. Тут еще ко мне должна была прийти белая чужь. Вы никого из них не видели?

Великий князь недовольно поглядел на Вредителя. А тот посмотрел на одного из кощеев, явно ответственного за магическую защиту периметра, и хрипло произнес лишь два слова:

– Атаман, пусти.

От голоса Вредителя я невольно вздрогнул. В нем чувствовалась истинная сила кроны. Меня даже стали одолевает сомнения. Не слишком ли крутую цель мы выбрали для роли козла отпущения?

Кощей, руководивший защитой, ослабил заклинание, и возле меня материализовался целый ворох гигантских крыс-переростков. Лишь спустя несколько секунд пришло понимание, что это не крысы, а диковинный народ. Так копошащаяся чужь в своих неизменных шкурах походила на каких-то грызунов.

– Ваше Величество, – поклонились сначала Горислав, который лично привел своих людей, а затем и вся остальная чужь.

Что интересно, после этого старейшина без всякого зазрения совести или страха повернулся ко мне:

– Явились, Матвей.

Я пересчитал чужь. Двенадцать голов. Конечно, это больше, чем в Выборге, но я не знал точно, насколько огромен лабиринт. Хватит ли?

– Не бойсь, справимся, – бросил Горислав. – Чем ближе сыра земля, тем мы проворнее.

– Ладно, значит, будем ждать, когда откроется башня. Кстати...

Я торопливо снял с плеч рюкзак, повернувшись к Святославу, и стал суетливо вытаскивать из него разные предметы. Сначала Рог, потом почти уже ненужные Очки, с помощью которых можно было разглядывать кронов, кольцо, разряженный жезл... Причем все это повернул с таким умным видом, словно так и надо. И, само собой, артефакты держал в руке, чтобы еще больше отыграть необходимость того, что хочу сделать.

Когда дошла речь до меча, я сунул его Святославу, даже не поглядев на него.

– Ваше Величество, подержите, пожалуйста.

И почти не удивился, когда Вредитель перехватил клинок. Что тут скажешь – ПСИ-ХО-ТИП! А Мотя Зорин – великий знаток кроновской души. Нет, еще был вариант, что Святослав взбесится от моей наглости и непосредственности, однако расчет оказался верным. Правая рука князя, которая начальствовала над охраной, проявила себя прежде, чем правитель что-то понял.

А далее произошло то, что можно было охарактеризовать словом «предсказуемость». Или дело еще в том, что я сам захотел, чтобы меч вернулся к законному владельцу. Короче говоря, оказавшись в чужих руках, клинок стал натуральным образом вырываться. Прямо как кот, которого перехватили, когда он направлялся к только что выложенному корму. Напрасно Вредитель старался удержать меч. Казалось, артефакт это лишь раззадоривает.

Что может быть глупее, чем пытаться урезонить почти живой меч, который неистово вырывается? Лично я считал, что ничего. С одной стороны, когда у тебя за спиной несколько веков опыта, ты тоже должен это понимать. С другой, когда у тебя за плечами столько веков уверенности в своей силе и непогрешимости, начинаешь думать, что можешь все. Вот и Вредитель подумал, что еще немного – и он сможет покорить безумный клинок. Лишь когда тот каким-то образом умудрился выкрутиться и ранить своего пленителя, Алексей отдернул руку, отпуская оружие. Машинально. Потому что, сколько бы тебе ни было лет, рефлексy все равно будут работать одинаково.

– Сорян, забыл совсем, что он на меня завязан, – я поднял меч. И, конечно же, уронил Рог.

Великий князь, с неизменным выражением презрения на лице, все же помог, с интересом поднимая артефакт волотов. Тогда как я жадно посмотрел на капли юшки, упавшие на влажный асфальт. Правда, тут же торопливо отвел взгляд.

– Волоты подогнали по случаю, – сказал я Святославу, забирая артефакт. – А на Слове решил не оставлять. Вдруг заклинания внутри лабиринта не работают. Алена, держи, – я передал приспешнице предметы. – Вот, Ваше Величество, что искал. Именно это и должно помочь.

Я продемонстрировал Святославу семена бешеной маковки. Не потому, что нашел в лице великого князя благодарного слушателя. Я всеми силами старался заболтать правителя, чтобы инцидент с ранением Вредителя поскорее забылся. Да и какое там ранение? Крон засунул на мгновение палец в рот, а когда вытащил, кровь уже не капала. Молниеносная регенерация, чтоб его. Понятно, что для этого надо быть выше пятнадцати рубцов и чтобы ранения были совсем несерьезные, но все же. Лично меня впечатлило.

Сам я продолжал разговаривать со Святославом, будто на автомате пятясь к башне. И это сработало. Сначала князь, а следом и его окружение сделали несколько шагов в мою сторону. Потому никто не увидел, как за их спинами Лео наклонился над асфальтом. Будто бы для сущей ерунды – чтобы вытереть его белым платком. На самом деле – чтобы собрать драгоценные капли крови.

– Эти семена мне дала Травница Инга из Выборга, ваша верная подданная, – сказал я, выполняя часть договора. – Если вдруг что будет нужно...

– У меня хватает травников, – нервно оборвал князь. – Все, теперь ты готов?

– Да. Только тут не все зависит от меня, Ваше Величество. Полнолуние, все дела. А небо тучами затянуто.

Великий князь поглядел на крона, и тот сначала поднял руки вверх, а потом резко развел их в стороны. Я лишь краем глаза уловил сложную форму создаваемого заклинания. Однако она оказалась такой заковыристой, что я даже половину не запомнил. Магия какого-то высшего порядка.

И она сработала. Будто могло вообще быть по-другому. Тучи стали проворно расползаться в стороны, обнажая бесстыжий полный месяц. Не такой полный, как Алена, но достаточный, чтобы открыть башню Грифонов.

Теперь хотя бы понятно, кто на праздники облака разгоняет. А нам говорят: «Баллоны с химическими реагентами». Все гораздо проще – магия.

Сам же я мельком глянул за спины сильных мира сего. Только ради того, чтобы убедиться: Лео там нет. Значит, эта часть плана уже начала работать.

Что до башни Грифонов, то ничего сверхъестественного не произошло. В смысле – я точно ожидал чего-то необычного. Ну, не знаю, как минимум землетрясения или яркой подсветки. Вышло все намного скромнее, хотя тоже довольно забавно.

Когда на башню упал свет, она стала нехотя... шевелиться. Лично я не знал, как еще это назвать. Сначала повернулся верхний пояс из кирпичей, затем средний. Следом один кусок искусственного камня отъехал вбок, обнажив крохотный проход, в который мог пробраться разве что голубь, другой встал на его место. Постепенно вся башня Грифонов пришла в движение, меняясь, поворачиваясь, противно скрипя и осыпаясь кирпичной пылью. Меньше чем через минуту она трансформировалась в новую башню, значительно скромнее прежней по высоте, зато шире и, самое главное, с внушительным проемом посередине.

Я даже вспомнил, как Коловрат говорил, что сам входил в башню. Ну да, это вполне возможно. Правда, чувствовать он себя здесь должен был, как двухметровый европеец в японском автобусе. Даже не знаю, откуда у меня такие ассоциации.

Что еще интересно – как только башня трансформировалась, княжеские ратники сразу отошли от нее шагов на десять. Словно из недр этого загадочного сооружения мог кто-то выпрыгнуть.

– Башня открыта, – прокомментировал очевидное великий князь.

Нет, понятно, что он имел в виду: «Мотя, давай шустрее двигай вниз и делай грязь». Просто мне тоже надо немного настроиться, вытряхнуть аргал из штанов и представить, что я не трус. Потому что планировать все – это одно, а спускаться в мрачное подземелье – совсем другое.

– Да, благодарю за наблюдательность, Ваше Величество. – А сам уже обратился к белой чуди: – Господа...

Правда, тут же стушевался. Потому что сразу две особи не подходили под эту категорию. Одна чужь была слишком красивой для мужчины, а у другой виднелась внушительная грудь. Такая даже при гинекомастии у сильного пола не вырастет. Тьфу ты, вот поговоришь о всякой фигне с Аленой, а потом запоминаешь ненужные слова.

– Товарищи, – исправился я, – можно отправляться в путь.

Было заметно, что чужь тоже не горит желанием пускаться во все тяжкие. Сыра земля – оно, конечно, хорошо. Но вот мертвый волот не внушал оптимизма. Даже сдержанного.

Поэтому я сделал единственное, что было способно хоть как-то воодушевить нечисть. Подошел к проему и стал медленно спускаться в чрево башни.

Что меня удивило – я погорячился по поводу темного подземелья. Потому что первое, что увидел, – россыпь знакомого лишайника на кирпичной стене. Да, полоска была тоненькая. Одна часть ее уходила вниз, а другая тянулась дальше по коридору, как совсем слабенький светодиод. Но и этого было достаточно, чтобы осветить утопанную землю, ровную кладку кирпичей и длинную галерею со множеством ходов.

– Жесть, – прокомментировала увиденное Алена, которая даже не задумывалась над тем, идти за мной следом или нет.

Вот неизвестно, чего в ней было больше – храброй бесшабашности, глупости или желания поскорее закончить это приключение, чтобы воссоединиться с Анфаларом.

Дурной пример оказался заразителен. А может, Горислав посчитал зазорным, что обычная женщина, даже не рубежница, не побоялась войти в башню, а он оробел. Так или иначе, спустя десять секунд вся белая чужь была здесь. Мялась с ноги на ногу, с опаской смотрела в галерею, но ждала приказаний.

– Товарищи, вводные те же. Нам нужно найти место в стене, больше всего подверженное разрушению. Я не поверю, что за столько лет ничего не осыпалось. И повторюсь, вам ничего не грозит. Вы пришли сюда не за наживой, потому что волот не будет на вас реагировать. Но лучше бы сделать все быстро, как вы умеете.

Последнее я сказал для того, чтобы немного воодушевить нечисть. Как они умеют, я в душе не представлял. Но уж очень надеялся, что все их рассказы про «земля дает силы» – не пустой треп.

– Слышали? Давайте! Быстрее начнем – быстрее закончим! – пробасил Горислав.

И белая чужь ломанулась в галерею, устремляясь в разные ходы. Словно они несколько недель только и занимались изучением лабиринта, а теперь могли наконец проявить себя.

Кстати, в слабом свете лазурного лишайника (с именем которого я был категорически не согласен. Какой придурок додумался его так назвать?) они действительно походили на крыс. Здоровенных грызунов-переростков, которых в любой RPGшке кучами убивают на первом уровне.

– Нам че теперь делать, ждать их?

– Не «нам», а «мне», – ответил я Алене. – Все, что ты должна сделать, – привести помощь, когда явится Лихо.

– Может, мне с тобой...

– Ага, чтобы тебя случайно зашиб волот, а я потом объяснял Анфалару, что же именно произошло. Вот уж хрена лысого из «Браззерс». Будем придерживаться плана.

– Так вдруг я действительно могу это... ну... вроде как нейтрализовать магию защитника? Ты же сам говорил наверху. И про сирина придумал...

Я тяжело вздохнул. Вот что бывает, когда человек начинает излишне верить в себя.

– Наверху я так говорил, чтобы оправдать твое присутствие. Что до волота, его магии здесь нет. Он вроде аккумуляторной батарейки, которая подзаряжается от артефакта. Ему ты ничего не сделаешь. И я ему ничего не сделаю, потому что его сила прямо пропорциональна моей.

– Чего? – не поняла Алена.

– Чем сильнее рубежник, который оказывается в пределах действия охватывающего лабиринт артефакта, тем могущественнее становится волот. Поэтому даже крон не смог бы ничего ему противопоставить. Единственный вариант победить стражника – сломать артефакт. Сделать напрямую это нельзя, потому что он, скорее всего, находится в центре лабиринта. Что остается? Изменить контур накладываемого действия...

Я это все уже рассказывал Алене. Но тогда она стояла примерно с таким же выражением, как и сейчас. Что называется, гуманитарий в самом плохом смысле этого слова.

Я даже вспомнил многочисленные брюзжания отца Костика по этому поводу. Он жаловался, что раньше гуманитариями называли тех, кто знал несколько языков, историю культуры и искусства, разбирался в своей профессиональной области. Короче, был крайне полезным. А теперь это стало ругательным словом для людей, не умеющих в точные науки.

Но я продолжал говорить. Пусть Алена и не поймет, но мне нужно было самому унять внутреннюю дрожь перед предстоящей схваткой. Потому что ты можешь десять раз сказать себе, что все продумал, но, когда выйдешь драться, коленки все равно будут подрагивать. Уж сколько раз это проходили.

Вот и я старался отвлечься. Наверное, еще чуть-чуть – и я стал бы рассказывать какие-нибудь истории из жизни, приправляя их нервным идиотским юмором. Однако Юния резко оборвала меня:

– Помолчи!

И будто даже каким-то другим тоном сказала. Что интересно, без всяких заиканий. Но я послушался. Наверное, потому, что все это время только того и ждал. Какого-то вмешательства извне. Или пробуждения того, с кем рано или поздно придется столкнуться.

На мгновение показалось, что где-то вдалеке, в крошечной тьме, раздаются тяжелые шаги мертвого великана, который направляется к незваному гостю с одной-единственной целью. Но время шло, и я понимал, что все это – лишь шутки моего разыгравшегося воображения. А вскоре Юния снова подала голос:

– Все в порядке, с-с-с... нашли.

Тут бы облегченно выдохнуть, но меня, наоборот, забила крупная дрожь. Я вытер проступивший на лбу пот, хотя под башней Грифонов было довольно зябко, а затем выдал припешнице последние инструкции:

– Алена, никуда не отходи и жди Юнию. Тебе тоже не угрожает опасность. Ты пришла сюда не за наживой. Поняла?

– Поняла, – ответила припешница, хотя ее серьезное лицо сейчас выражало немалую тревогу. – Я пришла сюда, потому что дура.

Тут я даже не решился спорить. Хотя именно сейчас я понял, что разглядел в ней Анфалар. В этот момент она была на удивление притягательна. Когда не пыталась качать права, не собачилась, а оказалась необычайно собрана и напряжена. Можно сказать, что Алена была даже по-своему красива.

Шорох маленьких ног, обутой в кожаную обувь, прервал мои размышления о превращениях женской привлекательности. Горислав вместе с еще двумя соратниками выросли перед моими глазами.

– Нашли, – торопливо произнес старейшина белой чуди. – С трудом, но нашли. Крепкий лабиринт, на совесть делали.

– Давай к сути, – потребовал я.

– Дальний коридор, туда, – указал он рукой. – Видимо, обвал был. Там вереница залов, которые друг за другом идут...

– Анфилада, – зачем-то продемонстрировал я свое знание архитектуры.

– Может быть, – не стал спорить Горислав. – В одной из них стена немного обрушена. Лучшее из того, что может быть.

Я подумал, сжимая в руке семена: «Что ж, если и правда это лучшее, то это мой вариант».

Поэтому я кивнул:

– Веди.

Глава 3

С каждым новым шагом лабиринт давил все сильнее. Он сжимал виски невидимыми свинцовыми тисками, заставляя слышать ток собственной крови и стук сердца. Дышал в лицо холодом, перемешанным с запахом земли и странным сладковатым смрадом. Обманывал множеством звуков.

Несмотря на шорканье ног Горислава, который даже и не думал таиться, периодическое пос-с-свистывание Юнии, выдаваемое при каждом шумном выдохе, далекое капанье воды, чудилось, что я здесь один. Под властью артефакта, укрываемого где-то в центре лабиринта, я чувствовал себя будто запертым в стеклянной клетке. Я видел и отдаленно слышал все происходящее, однако вместе с этим ощущал, что это словно не взаправду.

Звуки собственного тела значительно превосходили все остальные.

Я различал только свои шаги. Вдруг выяснилось, что кроссовки – необычайно шумная обувь, хотя мне всегда думалось иначе. Потирание вспотевших ладоней об одежду напоминало касание наждака и невероятно раздражало. Невольно начнешь понимать великого князя, который при виде меня кривился так, словно ему кишки выворачивало. А еще я почувствовал жизнь, которая проснулась где-то далеко, за множеством коридоров и галерей. Проснулась и стала медленно подниматься на ноги, влекомая силой артефакта.

Хотя жизнь – это не совсем правильное определение. Я ощущал мощь. Нечто громоздкое, шевелящееся, массивное, но не испытывающее эмоций. Волот пробудился ото сна, на который его обрек Аптекарь.

– Матвей!!

Только теперь я понял, что Лихо почти кричит. Причем кричит уже давно. И это учитывая, что она находится у меня за спиной, в рюкзаке. Можно сказать, что я тащил ее на собственном горбу.

– Чего?

– С-с-с... со мной разговаривай. А то я чувствую, что ты вроде здесь, а вроде тебя с-с-с... нет.

– Мерцаю, – вспомнил я недавние слова нечисти. – Значит, артефакт как-то воздействует и на психику. Только этого не хватало.

– Кощеям и кронам в этом плане легче. А вот у тебя хист еще с-с-с... не устоялся. Вот тебя и...

– Колбасит, – закончил я.

Горислав воспринял мой «монолог» (а слышал он только меня) примерно так, как всегда к нему относилась нечисть. То есть – рубежник свихнулся. Однако на поведении чуди это никак не отразилось. Скорее, он, напротив, прибавил хода, чтобы побыстрее добраться до точки назначения и наконец покончить с этой обрыдшей миссией. Ну, и с полоумным нанимателем.

Коридоры сменяли друг друга, то разветвляясь во множество запутанных ходов, то вновь устремляясь вперед. Порой, к ужасу какого-нибудь клаустрофоба, они сужались; изредка, напротив, расширялись, переходя в залы. Последние использовались в роли своеобразных перекрестков. Поэтому минут через десять я начал примерно понимать масштаб лабиринта. Он был огромный. Либо дело в пространственной магии. Кто знает, вдруг мираж исчезнет, если выключить главный рубильник?

Что определенно – я пожалел о своем легкомысленном отношении к путешествию. Что мешало насыпать хлебных крошек или протянуть клубок с нитками от входа? Вот сейчас чудь белая сдристнет – и вылезай отсюда как хочешь. С другой стороны, у меня все равно не было варианта с побегом. Такое ощущение, что если я вдруг ненароком выберусь наружу без всяких

плюшек, меня великий князь лично обратно затолкает. Надо добраться до сердца лабиринта. Думаю, там уже будет инструкция с запасным выходом.

Когда залы пошли друг за другом, образуя именно анфиладу, я понял, что мы уже у цели. Эти помещения значительно отличались от всех, которые мы видели прежде. Начать хотя бы с того, что «перекрестками» являлись далеко не все залы. Хорошо, если каждый четвертый или пятый. Для чего понадобилось заморачиваться и оставлять столько пространства – вообще непонятно. А еще земляной пол уступил место кирпичу. Это ж сколько его сюда перевели?

Мы остановились в четвертом зале от «перекрестка». Я, к негодованию чуди, которая вся как один собралась здесь, пробежал немного вперед и убедился, что следующее разветвление проходов располагается через три обширных зала. Извините, жизнь приучила, что надо «смотреть в завтрашний день». Зато после я вернулся к Гориславу.

– Ты нас, рубежник, не задерживай, – сдвинул брови старейшина. – Свою часть договора мы исполнили.

– Показывай, – приказал я.

Чудь ткнула в дальнюю стену, единственную свободную от лишайника. Наверное, потому я не заметил обвалившихся кирпичей и небольшого холмика осыпавшейся земли. Я потрогал влажную почву, которая вытеснила искусственный камень. А еще увидел трещину, уходящую к своду. Вводные достаточно неплохие, будем надеяться, что сработает.

– Рубежник, мы все сделали. Давай награду, – не унимался Горислав.

Я кивнул, соглашаясь с его доводами. Действительно, белая чужь поработала на славу. Сам бы я в жизни это место не обнаружил. Надо еще учитывать, что волот вряд ли бы дал одному наглому рубежнику спокойно разгуливать по своим владениям.

Поэтому я достал обещанный камень на веревке и передал Гориславу. Казалось, глаза старейшины на минуту вспыхнули изумрудным пламенем. Или это просто в них отразилась драгоценность. Но он проворно спрятал камень за пазуху, после чего махнул своим. Белая чужь, разбегаясь, метнулась в разные стороны, словно ее и не было. Сам же Горислав немного помялся, явно терзаясь между желанием поскорее удрать и что-то сказать мне. Наконец, последнее все же взяло вверх над ужасом, который окутывал нечисть:

– Глупо прозвучит, конечно, рубежник. Но береги тебя Господь.

– Действительно, глупо... Спасибо тебе, Горислав, очень помог.

– Лишь бы во благо, – ответил старейшина. – Бывай.

Попрощаться с ним я не успел. Вот только что чужь стояла напротив меня – и вот уже исчезла. Даже не удостоив меня звуком шаркающих кожаных сапожек. Надо отметить на будущее – не ссориться с чужью под землей. Да и вообще не ссориться. Я же самый мирный человек в Ленинградской области. Простите, Новгородском княжестве, все никак не привыкну.

Меня опять охватило нелепое веселье, так не подходящее под нынешний момент. Дурной знак. Значит, нервная система на пределе.

– Так и будешь ждать волота или все же с-с-с... сделаешь что-нибудь?

Под «чем-нибудь» подразумевалось вполне конкретное действие под грифом «Ботаника в замкнутых пространствах, курс первый». Что ж, посмотрим на чудодейственное растение Инги в деле. Надеюсь, бешеная маковка сработает лучше разрыв-травы. Вот если я умру, то буду являться жутким призраком к Травнице, чтобы ей было стыдно.

Я дрожащими руками достал семена маковки из рюкзака, высыпав их в карман. Выглядели они так... обыкновенно, что меня на мгновение даже взяло сомнение. Неужели и правда сработает? К сожалению, иного выбора, как опробовать их на деле, у меня не было.

Меч я отложил. Как-то он слишком странно реагирует на кровь, поэтому тут больше подойдет нож Спешницы. Немного поколебался, после чего полоснул по левой ладони. Рука полыхнула огнем, а я зажмурился от боли. Вообще это все глупо. Почему каждый раз при кровопролитии для печатей или прочих несуразностей надо резать непременно ладонь? После

этого ты автоматически лишаешься левой руки, потому что ничего ею не возьмешь и не поднимешь. Надо было резать где-нибудь сбоку. А еще лучше уточнить про кровь животных. Нет, барашков и коров тоже жалко, ничего не скажу, но не так, как себя.

Я сунул руку в карман, выуживая горсть семян. А затем подставил ладонь под быстро капаящую юшку. Ждал, по ощущениям, довольно долго. Большая часть семян с благодарностью приняла жертву, набухая и темнея. А когда пошли первые ростки, я понял, что пора действовать.

Припечатал мокрую ладонь со всей силы к проему в стене, буквально втирая напитанные кровью семена в землю, которая нашла себе дорогу в этот лабиринт. Затем вытер руку о каменную кладку и отошел в сторону.

– Чего встал, дурень!.. Бежать отсюда с-с-с... надо!

Я и сам уже понял, что наблюдать за развитием растений, чтобы потом описать все в журнале «Юный натуралист», – самое дурацкое, что можно придумать. Потому что за считанные секунды стебли стали вращаться корнями в землю, наплевав на то, что располагаются вертикально. А затем начали появляться крошечные плоды.

Поэтому пришлось спешно удирать, чтобы не оказаться опутанным бешеной маковкой. Да и перспектива ощутить на вкус ядовитый сок тоже не прельщала. Порадовало разве, что процесс роста действительно происходил намного проворнее, чем при полевых испытаниях на заднем дворе Инги. Значит, довольно скоро плоды начнут заливать своей жижой все вокруг. Со всеми вытекающими.

Что до выбранного мной зала, им оказался тот, который располагался ближе всего к очередному «перекрестку» лабиринта. Довольно просторное помещение квадратов на двадцать, без всяких выемок, скамеек или хоть какой-то мебели. Просто голые стены. Совершенно непонятно, зачем здесь расположенное. Явно не для отдыха заплутавшего путника.

Как только я все это рассмотрел, то понял, для чего нужен подобный зал. Для того, чтобы стать последним, что я увижу. Потому что именно здесь судьба наконец-то проснулась и заметила, что ее Мотя Зорин уж слишком зарвался. Делает все что захочет и не получает никакой отсылки от провидения. Разве так можно? Того и гляди, привыкнет к нормальной жизни.

Поэтому проснулось мое знакомое «везение». А много ли нужно тому, кто пробрался в лабиринт в попытке разрушить его структуру? Нет, конечно. Только встретиться с защитником.

Казалось, прежде он шел таясь, потому что различили мы с Лихо его почти одновременно. Совсем близко, буквально за поворотом. По легкой вибрации пола. Юния прошипела, явно привлекая внимание, но и я уже почувствовал приближение волота. И душа ушла даже не в пятки – куда-то в кроссовки.

В своих самых светлых надеждах я думал, что он придет с противоположной стороны. Ну, или не придет вовсе. Нет, ей богу, когда у тебя пару дней не начинает все валиться из рук, к этому невольно привыкаешь. А теперь появилось четкое понимание, что не прокатит.

Я добежал до прохода в предыдущий зал и растерянно почесал затылок. Нет, Инга говорила, что чем больше крови, тем эффект станет ощутимее. Однако я не предполагал, что настолько.

Все пространство, куда ни кинь взгляд, теперь было во власти бешеной маковки. Скажу больше, она напоминала какой-то общий разум, полностью состоящий из флоры. Так сразу и не разберешь, где отдельные растения. Просто все слилось в единое нечто с зелеными крохотными коробочками-плодами. Противоположная сторона зала уже утопала в этом буйном цвете, поэтому речи о том, чтобы туда добежать, не было.

Больше того, судя по продолжающемуся росту, создавалось ощущение, что как бы и соседние помещения не постигла участь предыдущего. Как-то я переборщил. То ли с семенами, то ли с кровью.

– Что делать с-с-с... будем?

– Сухари сушить, – сказал я, беря в руки меч. Эх, надо было хоть на пару сходок реконструкторов выбратся. И то бы толк какой-никакой вышел. – Юния, ты, главное, не суйся, хорошо?

Лихо не ответила, напряженно вслушиваясь в звуки подземелья. А они были мечтой суицидника. С одной стороны – хруст растущей бешеной маковки. С другой – медленная, но тяжелая поступь защитника лабиринта. Хотя нет, было еще что-то – глухой скрежет чего-то внушительного о кирпичный пол. Словно балку волочили. Внутреннее чутье подсказывало, что это волот тащит мне подарок. Даже без упаковки.

И, как всегда, когда дело касалось всяких неприятностей, я оказался прав.

Балкой была огромная, потертая дубина. Я даже прикинул, сколько ударов смогу выдерживать. Примерно... ни одного. Но самое пристальное внимание оказалось приковано к волоту. Или тому, во что превратился великан.

Нельзя было назвать его мертвым. Выглядел гигант почти так же, как его соплеменники. Разве что цвет кожи у него был серее. Это и понятно, солнышка он не видит, витамин D не употребляет. Лицо угрюмое, худое, беспорядочно заросшее спутанной и грязной бородой. Хотя даже в таком состоянии она выглядела здоровенной совковой лопатой.

Глаза, небольшие, да еще близко посаженные друг к другу, смотрели внимательно. Впрочем, без всякого интереса. Наверное, так глядят охранники торговых центров, дежурящие подряд несколько суток, – без любопытства, но вынужденные выполнять свою работу. Ногти волота отросли и пожелтели. Даже сейчас, когда великан сжимал дубину, они царапали его пальцы.

Одежда оказалась местами порвана и висела клочьями. Рубаха лишилась левого рукава, а штаны при неторопливых шагах напоминали пораженные картечью паруса. Разве что широкий кожаный пояс остался неизменным, пережив все невзгоды.

Я ожидал увидеть нечто вроде зомби, которых показывают в фильмах. Даже думал, что волот будет бегать за мной с противными звуками, вытянув руки. Ну, чтобы откусить кусочек или сожрать мозги (хотя был риск, что он мог их и не обнаружить). Наверное, всему виной массмедиа, которые пичкали меня с детства всяким дерьмом. Нет, есть же обычные, нормальные мертвецы.

Что волот относился к последним, я не сомневался. Не могу сказать, почему. Да, глаза не горят зеленым пламенем, он не славит Нер'зула и вообще выглядит вполне как нечисть. Было всего лишь два нюанса. Первый – я не чувствовал в нем хиста. Нет, великан оказался заполнен силой. Только создавалось ощущение, что она заемная, чужая. В какой-то мере он был похож на Алену, потому что собственного промысла в нем не нашлось.

А второй... Вот не двигаются так живые. Каждый шаг, каждый взмах руки, поворот головы этого согбенного гиганта были неестественными. Будто кто-то его долго изощренно пытал, заставляя отказаться от собственного «я», пока наконец личность брата Коловрата не перестала существовать. Это оказалась невероятно сильная и темная магия, с которой я даже не желал соприкасаться. Но был вынужден.

– Градислав... – протянул я, стараясь двигаться как можно медленнее. Нам же не надо, чтобы волот решил, что я собираюсь напасть? – Я пришел с миром. От твоего брата.

Ноль внимания. Нет, я знал, что великаны – крутые перцы, и на слезы счастья от упоминания родственника не рассчитывал. Однако можно было проявить хоть какую-то эмоцию.

Нет, волот шевельнулся, только мне это не понравилось. Заскрипели обломанные желтые ногти, касаясь друг друга. Великан ухватил поудобнее дубину и двинулся ко мне.

Вот ведь! Я торопливо вытащил Ярый Рог, набрал побольше воздуха и дунул что было сил.

Казалось, что задрожал весь лабиринт, наполняясь чудовищным ревом. А еще я понял, почему Рог зовется Ярым. Вместе с оглушающим звуком грудь обожгло чем-то приятным.

Меня никогда нельзя было назвать храбрым человеком. Нет, я не давал заднюю, когда того требовали обстоятельства. Но при этом всегда подрагивали коленки, плескался адреналинчик в крови, да и неприятно кололо возле сердца. Теперь я вдруг ощутил, что мне все по плечу. И даже если этот громадный идиот не остановится, я попросту уничтожу его.

И выходило так, что все шло именно к этому варианту. Потому что волот не очнулся, как обещал Коловрат. Не извинился за холодный прием и не предложил попить чая. Хотя великаны и предпочитали больше горячее вино, напоминающее глинтвейн.

Он пробурчал всего три слова: «Татей и воров...», а после боковым ударом попытался припечатать меня дубиной.

Я успел перекувыркнуться и уйти от атаки, оказавшись за его спиной. А потом наотмашь несколько раз полоснул Градислава по спине, распарывая рубаху. И почувствовал, как меч вязнет в толстой, как броня, плоти. Увидел нечто влажное на клинке. Ощутил вкус победы. Только рано.

– Надобно убивать... – повернулся ко мне Градислав, теперь действуя намного проворнее. словно все это время он разогревался.

Увернуться от следующего выпада оказалось уже значительно труднее. Отступая, я даже влетел плечом в кирпичную стену. Зато успел ударить волота по предплечью. И, судя по тому, как задрожал меч, дошел до кости.

– Аптекарем укрытое... – продолжал волот, наращивая темп и не замечая ранения.

Я с изумлением глядел, как эта громадина передвигается по залу. Почти как боксер-легковес, мгновенно меняя направление и порхая как бабочка.

Уйти от следующего удара не удалось. Точнее, я подумал, что у меня почти вышло, но вскоре дубина ткнулась в грудь. Да, по касательной и не со всей силы, однако мне хватило. Ярый Рог полетел в одну сторону, а я в другую, брякнувшись на задницу. Хорошо хоть, меч не выпустил. Или, может, он перешел в автоматический режим, поняв, что от хозяина нет никакого толку.

– Надобно оберегать, – закончил свою присказку великан.

И навис надо мной. А я глядел на руку, которую почти отрубил ему прежде. И с ужасом наблюдал, как рана на глазах затягивается.

Глава 4

Что Градислав оказался братом-близнецом Росомахи из знаменитой вселенной «Людей Хэ», стало неприятной неожиданностью, пусть красивого яркого костюма из латекса у него и не было. Зато чудодейственная регенерация в наличии. Да и желтые ногти могут пройти по статье адамантиевых когтей. Для нашей сельской местности уж точно прокатит.

Я в очередной раз увернулся, даже не слыша и не видя, а скорее чувствуя, как позади трещит битый кирпич. Да, дубина у волота знатная. Не хотелось бы получить такой.

Легким перекатом я ушел в сторону, после чего добежал до противоположной стены. В голове была лишь единственная возможная тактика – удирать от него, пока не вырастет бешеная маковка. Вот когда урожай даст о себе знать, может, и артефакт перестанет так сильно воздействовать на великана.

Из хороших новостей – радовало, что я наконец начал использовать сложные нейронные связи внутри своего мозга. Аналитика, планирование и все такое. Иными словами, бабушка могла бы мной гордиться.

Из плохих – Градиславу было глубоко фиолетово, что я там напридумывал. Складывалось ощущение, что он любил множить тактику рубежников на ноль. Потому что ломанулся ко мне с такой прытью, словно и не весил пару центнеров.

От первой атаки удалось уйти привычным перекатом. Вторая настигла меня при попытке разворота. Благо, волот не стал поднимать дубину, а просто пнул меня ножищей. Ну, это для него просто. Для меня оказалось очень даже сложно. Потому что я пролетел несколько метров и пропахал грудью по кирпичному полу. Еще мне кажется, что и синяк на спине останется. Единственное, я не мог понять, чего испытываю больше – обиды или стыда. По ощущениям, оказалось примерно пятьдесят на пятьдесят.

Что до третьей атаки... то она должна была поставить жирную точку. Потому что Градислав уже не просто занес дубину – здоровенный кусок дерева летел прямехонько мне в голову.

В жизни изредка случаются моменты неотвратимости, когда ты понимаешь, что в следующую секунду произойдет нечто непоправимое, но уже не можешь ничего сделать. В последний раз у меня так было перед аварией года полтора назад. Я понимал, что столкновение неизбежно, как бы сильно я ни давил на тормоза. И буквально ожидал ДТП. Осознавал, что оно вот-вот случится. Так и произошло.

Вот и сейчас я понял, что мне прилетит в тыкву. И итог будет вполне закономерен.

Что интересно, я даже не испугался. Наверное, потому, что все произошло чересчур быстро. И я не успел провести весь логический анализ сложившейся ситуации. Да и чего тут проводить. Будто это на что-то повлияет.

Однако сегодня жизнь преподнесла мне очередной урок. Никогда и ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Только ты скажешь, что что-то понимаешь, – судьба обязательно опровергнет твои слова. Будто даже в насмешку.

Мой козырь в рукаве был... вовсе не в рукаве. В рюкзаке, заключенный в новенький артефакт. Только если раньше Лихо была заточена в Трубку, то теперь могла выбраться наружу в любой удобный для себя момент. Чем и воспользовалась.

Я, если честно, не понял, что сделала Юния. Будто бросилась наперерез волоту, правда, тут же исчезла. Однако великан оступился, потому дубина прилетела мне не в голову, а приземлилась сантиметрах в пятнадцати левее.

Короткой передышки хватило, чтобы молниеносно подняться на ноги, вытерев разодранную в кровь щеку. Не знаю, может, я идиот, но у меня созрел интересный план. Недаром же я столько фильмов про вампиров смотрел. И везде, помимо осинового кола в сердце, срабатывало еще одно средство.

– Юния, отвлеки его!

Впрочем, Лихо и сама все поняла. Уж чего-чего, а ума ей хватало. Она стала проворно мерцать, то появляясь, то исчезая, продолжая наносить волоту какие-то ментальные удары.

Не скажу, что великан как-то сильно страдал от них. Наверное, будь он жив, с нормальными человеческими (ну, или волотовскими) эмоциями, то явно хапнул бы горя. Но сейчас Градислав по крайней мере переключил свое внимание на Лихо. Чем я был полностью удовлетворен.

Она продолжала порхать вокруг него, пока вдруг рука великана не рванула в пустоту. Так быстро, словно боевая пружина в пистолете, отвечающая за срабатывание ударника. И тут же схватила за шею появившуюся из ниоткуда Лихо.

Юния выпучила глаза и начала быстро перебирать ногами в воздухе. Но тут уже подошел и я. К слову, момент вышел невероятно удачным. Градислав стоял ко мне спиной, точно позабыв про наглого рубежника. Это понятно, Юния по силе почти кощей, а я так – грязь под ногтями. Но, как известно, не боги горшки обжигают.

Можно сказать, что я сейчас вложил большую часть своего хиста в прыжок и последовавший после него удар. Причем удар вышел знатным. Не зря я схватился двумя руками за меч.

Наверное, будь я обычным человеком, ничего бы не получилось. У меня в какой-то момент и так задрожали руки, когда клинок, прорезающий себе путь через мертвую плоть, дошел до позвоночника. Однако хист сделал свое дело. Короткий хруст – и довольно скоро меч лязгнул по кирпичной стене. Это я не рассчитал силу, с которой нанес удар. А если быть точнее, вложился по полной в эту атаку.

Смотреть, как падает поверженный колосс, было одновременно страшно и завораживающе. Градислав рухнул, а я бросился освобождать Юнию из намертво сцепленных пальцев. И надо сказать, что получилось у нас не сразу.

– Невероятная магия, – первое, что она выдохнула, когда наконец освободилась. – Он поймал меня, Матвей, понимаешь? Поймал! Словно понял, где я окажусь в следующее мгновение.

– Невероятно еще и то, что ты не заикаешься.

– Прос-с-сто испугалась, – тут же исправилась она. – Чем больше мы выплес-с-скивали хист, тем сильнее он становился.

– Видимо, именно так это и работает. Артефакт каким-то образом перенаправляет хист, который ты выплескиваешь, защитнику. Можно сказать, чем сильнее ты сопротивляешься, тем быстрее умираешь. Жалко...

– Чего тебе с-с-с... жалко. Уж не этого ли волота?

– Да и его тоже. Но больше жалко своих усилий. Мы так задницу рвали, чтобы этот Рог получить. Потом дурацкая маковка...

К слову, растение в соседней зале трещало, как перезрелый арбуз. Что говорило лишь о скором созревании «коробочек».

– А в итоге ничего не пригодилось.

Наверное, зря я это сказал. Ведь давно было известно, что у судьбы на меня свои, очень странные планы. И провидение не любило, когда мне давалось что-то слишком легко.

– Матвей, с-с-с... – протянула Лихо.

– Да, знаю, так нельзя говорить. Надо ценить то, что имеешь, и все такое.

– Матвей...

– Да я же говорю, все ок. Сейчас двинем по лабиринту к артефакту, заберем что надо. В общем, все будет норм. Просто у меня даже что-то навроде какого-то разочарования, что ли.

– Матвей! – чуть не закричала Юния, заставляя меня закончить изливать внутренние переживания. – Можешь с-с-с... не разочаровываться.

В довершение своих слов она показала на мертвого волота. Вернее, на дважды убитого, если быть совершенно точным. Которому забыли дать памятку «Поведение добропорядочных, воспитанных мертвецов». Потому что пальцы, еще хранившие тепло шеи Лихо, зашевелились.

Я перевел взгляд на голову, которая брякнулась недалеко от тела, и обомлел. Та уже сидела на плечах, словно ничего особенного и не произошло. Подумаешь, отрубил.

– Он че, вообще бессмертный? – задал я риторический вопрос.

Отвечать на него не требовалось, потому что волот медленно поднялся и посмотрел на нас очень недобрый взглядом. Я его понимал. Я бы тоже не испытывал светлых чувств к тем, кто пытается отрубить мне башню. Пы-та-ет-ся! Только подумать. Это что же, великана вообще никак не убить?

Что к нам подкрался белый пушистый зверек, стало ясно сразу. Потому что волот снова принялся бормотать свою мантру:

– Татей и воров...

Я молниеносно обвел глазами зал, словно здесь находилось нечто, что могло помочь. Нет, вроде ядерного заряда нигде не видно. Разве что неподалеку валялся Ярый Рог. Угу, вот только он мне и в прошлый раз ничем не помог.

– Надобно убивать...

Я понял, это у него нечто вроде загрузочной команды перед тем, как начать всех крошить. Вот и сейчас великан взял поудобнее дубину и двинулся к Лихо. Видимо, в ней он увидел самую явную угрозу собственной безопасности.

– Аптекарем укрытое...

С громким сочным хрустом лопнуло что-то в соседнем помещении. Хотя почему «что-то»? Именно этот звук словно вернул меня к жизни. Дал дополнительные силы и желание барахтаться. Вот и бешеная маковка созрела. Пора собирать урожай на ферме!

– Надобно оберегать...

– Юния, тyani время!

Наши голоса прозвучали одновременно. Только если Градислав говорил глухо, я буквально заорал. Чем удостоился от Лихо весьма неоднозначного взгляда. Мол, попробуй ты потяни время, когда против тебя такая дура.

Взмах дубиной, свист рассекаемого воздуха, удар по кирпичной стене, легкая дымка пыли, новый взмах...

Волот орудовал своей деревяшкой с неистовостью железного дровосека. А Юния пыталась появляться то тут, то там. Но вместе с тем и я, и Лихо понимали, что великан загоняет ее в угол, как бы ни старалась нечисть расширить радиус новых появлений. Юния вполне могла бы оказаться за его спиной, но тогда существовал риск приковать совсем не нужное внимание ко мне.

Хруст в соседнем зале походил на взрыв пачки крохотных петард. Я влажными от волнения пальцами сжал Рог, готовый воспользоваться им в любую секунду. Однако время словно застыло в этом чертовом лабиринте.

Удар, еще один, третий, четвертый... От последнего увернуться не получилось. Точнее, Юния будто бы даже успела, вот только вдруг вывалилась обратно, схватившись за грудь. И тут же оказалась в цепких лапах защитника.

Медлить больше было нельзя. Я поднес Рог к губам и подул так сильно, как только мог. Казалось даже, что я вложил в артефакт не только хист, но и жизнь.

Ярый Рог, пробудившись, перестал быть просто духовым музыкальным инструментом – не вострубил, а запел.

Он вспоминал давно ушедшие времена, когда волоты были не разбиты на племена, а составляли единый народ. С которым считались не только людские государства, но и рубежные.

Он тосковал по кровавым сечам и великим битвам, в которых волоты прославили себя как настоящие воины. Где одна лишь поступь громадной нечисти внушала ужас, а звук голоса обращал врага в бегство.

Он вздыхал по ушедшему величию и тому, что уже не вернешь. Наполнял душу тоской и неистовством из-за утраченного и несбывшегося.

И в это мгновение вместе с активацией легендарного артефакта великанов дрогнули, оседая, стены в соседнем зале. Затрясся пол под ногами, застонали бесчисленные коридоры и галереи, затрепетал артефакт, сокрытый в сердце лабиринта. Потому что последний изменил свою форму.

А Градислав, великий из воинов и непобедимый защитник, отпустил нечисть и медленно повернулся ко мне. По его движениям я увидел изменения, затронувшие великана. Он обрел себя. Впервые за долгое время.

В глазах волота плескались разум и чувства. По исхудавшим щекам текли крупные слезы, пытаясь смыть всю ту горечь утраты, которая постигла его. Глухо стукнувшись о кирпичи, на пол упала дубина. Потому что руки Градислава дрожали.

– Я не помню, когда в последний раз слышал Ярый Рог... – негромко произнес он. Только теперь его голос отличался от того, что был прежде. Вместо заученного глупого четверостишия в нем слышались боль, разочарование и нечеловеческая усталость. – Последний раз будто брат пытался призвать меня с его помощью. Но все было смутно, словно во сне.

– Уважаемый Градислав, – я решил, что наступило самое время, чтобы вмешаться. – Это был не сон. Коловрат действительно приходил. Только не смог, как бы сказать... достучаться до вас.

– Аптекарь обманул меня. Он говорил, что я стану бессмертным защитником. Что меня ждут слава и величие. Но ни слова не упомянул про забвение.

Сначала мне показалось, что за время нашего непродолжительного разговора волот стал меньше. Нет, не скукожился, а словно принялся горбиться. Или его постоянно тянуло к земле. Но лишь после понял, что мне не показалось.

Артефакт давал силы волоту. И когда он перестал нормально функционировать, прямой поток от источника промысла к своему защитнику нарушился. Наверное, оттого к великану и вернулась память. Плохо другое: теперь бессмертное прежде существо медленно погибало.

Что интересно, волот и сам понял это. Он неторопливо поднял перед собой ладонь, рассматривая сухие пальцы. И после принялся наблюдать за желтыми ногтями, которые уже закруглились к краям и потемнели.

За стеной, буквально в нескольких шагах, продолжала твориться настоящая вакханалия. Казалось, бешеная маковка решила разнести к чертям весь лабиринт. Даже проход в соседний зал стал осыпаться мелкими частичками кирпича, норовя сложиться в любую минуту. Следовало убегать отсюда как можно быстрее. И вместе с этим я не мог сдвинуться с места. Некая неведомая сила будто приковала мои ноги к полу. Я понимал, что главное сейчас – решить вопрос с волотом.

– Зачем вы пришли сюда? – наконец отвел взгляд от собственной руки великан.

– Мы пришли сюда, чтобы проникнуть в сердце лабиринта. Мне поручил это великий князь. Он хочет завладеть Ос... – меня чуть не вывернуло, когда я попытался сказать.

Что интересно, волот понял.

– Осколок, князь... – неторопливо протянул Градислав, словно не замечая, как мир вокруг скоро разрушится. – У тебя Ярый Рог. Ты убил Коловрата?

– Не родился еще тот рубежник, который может убить твоего брата, – торопливо пробормотал я. – Мы взяли Рог в испытании силой, как того требовал обычай. С условием вернуть, когда он больше не будет нужен. Когда мы сможем пробудить тебя.

Конечно, все было не совсем так, но, если не вдаваться в подробности, очень походило на правду. Лично у меня не оказалось сейчас времени, чтобы объяснять все хитросплетения своих отношений с Коловратом. Например, кто такие «мы» и какую именно «силу» пришлось применить.

– Ради чего все это?

Градислав не просто посмотрел на меня. Его глубоко посаженные маленькие глаза заглянули прямо в душу. И я понял, что если прежде удавалось лукавить, то теперь этот мост лжи разрушен. Нельзя врать, когда на тебя смотрят ТАК. Как нельзя пускаться в долгие объяснения и оправдания. Поэтому я ответил коротко:

– Ради нее, – и указал рукой на притаившуюся за спиной Юнию.

Несчастная, взъерошенная Лихо в костюме школьной учительницы выглядела комично и никак не тянула на женщину, ради которой пускаются во все тяжкие. Может, потому Градислав и смотрел на нее долго, внимательно. Однако увиденное его будто бы устроило.

Вот только наше общение прервал оглушительный грохот в соседнем зале. Я даже не успел ничего понять, а вот волот сообразил, прежде чем произошло непоправимое. Он бросился к проему и встал под ним. А затем стена грузно осела на плечи великана. Теперь Градислав походил на атланта, державшего небосвод. Хотя так оно и было. Отпусти он – и груды кирпича погребут нас под собой.

– Ты достоин того, чтобы дойти до конца, – медленно и с натугой протянул он. – А даже если недостоин, пусть лучше я умру так.

Казалось, вот сейчас надо удирать. Пару секунд промедления – и все будет кончено. Но я продолжал тупить. Словно чувствовал, что волот сказал еще не все.

– Подойди, рубежник.

По встревоженному взгляду Лихо я понял, что она очень против такого жеста доброй воли. Но необъяснимое внутреннее чутье подсказало мне, что так надо.

– В пояс... – прокрихтел волот.

Только сейчас я заметил, что одна из крохотных застёжек является небольшим карманом. Я расстегнул его, и в ладонь мне упали две занятные вещицы. Одна из них походила на нечто вроде нательного креста, только выполненного в виде меча на длинном шнурке. А второй оказался крупный драгоценный камень. По ощущениям, что-то типа бриллианта, от которого веяло силой.

– Наш знак, – коротко бросил волот, взглядом указав на крохотный меч.

У него не было возможности говорить долго и медленно. Великан угасал на глазах. Поэтому я молча впитывал, поняв все, что он хотел сказать и повелеть.

– Я передам это Коловрату.

– Ключ к артефакту, – он перевел взгляд на драгоценный камень. – Отведет тебя к нему... Рубежник, не вини меня. Я... не знал.

– Матвей! – крикнула Лихо.

Я понял ее тревогу. Потолок над нами скрипел, пытаясь прийти в движение, а на голову сыпалась кирпичная пыль. Но все же произнес то, что произнес:

– Смерть лучше забвения.

Не знаю, может, надо было сказать нечто другое. Что-то более верное. Чтобы последние слова, услышанные великаном в этой жизни, принесли ему облегчение. Однако Градислав неожиданно согласился:

– Все так, рубежник. А теперь бегите.

И ноги словно сами по себе пришли в движение. Я стартанул так, как не бегал очень давно. И любые сравнения из чужанского существования казались кошунственными. Потому что сейчас речь шла о жизни и смерти.

Мы бежали с Лихо плечом к плечу под тревожную дрожь лабиринта. Пока далеко позади нас что-то оглушительно не рухнуло. Я уткнул нос в предплечье, пережидая поднявшуюся пыль. А потом посмотрел на перепуганную Юнию, осознавая ее обескураженность. Защитник лабиринта был мертв. Великий бессмертный гигант, которого не остановило даже отсечение головы, пал. Окончательно и бесповоротно.

Я прислонился спиной к стене, ощущая, как дрожит все тело. И сказал, чувствуя, что не могу молчать:

– Иногда смерть – это освобождение.

Глава 5

Мы очень долго шли молча, каждый занятый своими мыслями. Впрочем, обдумывать ситуацию вряд ли имело смысл. Скорее, ее надо было просто пережить и принять.

Судя по всему, даже на Юнию короткое знакомство с волотом произвело неизгладимое впечатление. Вот уж не ожидал подобного от умудренного опытом существа, многое повидавшего на своем веку. Но это хорошо. Значит, Лихо не успела утратить вполне себе человеческие чувства. Не превратилась со временем в бездушную и уставшую от жизни нечисть, которая существует даже не из желания, а скорее по привычке.

Не знаю, сколько бы мы брели так по этому лабиринту, если бы реальность не внесла свои коррективы.

Заклучались они в обычной кирпичной стене. Которая мне очень не понравилась. Нет, не то чтобы я был серьезным экспертом в этих архитектурных конструкциях. Но вот стены, окружавшие нас на пути, казались вполне неплохими и не вызывали неприятных чувств. А те, которые располагались поперек коридора, заставляли недовольно хмуриться.

– Тупик, с-с-с... – озвучила увиденное Лихо.

– Молодец, награждаю тебя внеочередным воинским званием. Теперь ты не капитан Очевидность, а майор Явность.

– Я смотрю, ты веселый, когда с-с-с... не нужно. Пошли, теперь два дня станем проход к центру искать. Я вообще не в курсе, что будет, если с-с-с... мы не выйдем до наступления утра.

Да, кстати, подобное мне в голову не приходило. Испытание временем виделось вообще не самой серьезной угрозой. На повестке дня стоял волот с его желанием убить любое существо, которое попадало в башню. А если последняя закроется, пока мы будем внутри? Нас расплющит, или удастся выбраться при следующем полнолунии?

Вот только ждать месяц – удовольствие не из приятных. Это еще хорошо, если мы добредем до центра лабиринта и там окажется склад сухпайков и родник. Иначе как протянуть все это время без еды и воды?

Правда, я немного сомневался в наличии подобной роскоши. Да и волот никак не тянул на прапорщика, заведующего провиантом. Значит, надо как можно быстрее отыскать этот центр лабиринта.

– погоди, – сказал я, доставая отданные великаном вещи.

Меч, похожий на крестик, я убрал обратно. Здесь он точно ничем не сможет помочь. Меня заинтересовал драгоценный камень. Круглый, со множеством граней, вроде как и правда бриллиант. Ну да это сейчас совсем неважно.

Самоцвет покорно лежал на руке, явно не собираясь помогать мне выжить. Нет, не может быть так все незатейливо. Не случайно Аптекарь (а я не сомневался, что именно он) выдал его Градиславу. Значит, эта штукавина как-то связана с главным артефактом. Если раньше, когда форма лабиринта сохраняла свою целостность, камешек работал напрямую, то теперь эта связь нарушилась.

Я поскреб в затылке, усиливая умственную деятельность. Возможно, у мужиков там действительно есть какие-то настройки, заточенные на связь с космосом или высшим существом. Потому что я часто замечал: стоит почесать макушку, как решение приходит само собой. Да, не всегда гениальное и подходящее. Но тут можно сетовать на плохую трансляцию сигнала.

Нынче мне пришло в голову просто подвергнуть самоцвет влиянию хиста. А что? Каждый рубежник знает: в любой трудной ситуации выплескивай промысел. Что я и сделал.

Меня нельзя было назвать величайшим мыслителем современности. Всю свою жизнь я больше полагался на тело, редко задействуя голову. Но надо отметить, что порой думать у меня получалось. Как, например, сейчас. Потому что драгоценный камень под слабым воздействием

хиста (выплеснул я совсем крохи) медленно поднялся в воздух. А затем чуть не удрал. В смысле – он стремительно направился в обратную сторону. Но и я уже был наготове. Тут же перекрыл канал с хистом, и «бриллиант» – или чем он там являлся – упал на кирпичный пол.

– С-с-связь с артефактом! – воскликнула Лихо.

– Так точно, подполковник Бесспорность.

– С-с-лужу рубежнику с дурацким чувством юмора, – парировала Юния.

Ну вот, научил импровизации, на свою голову. Раньше она такой острой на язык не была. Хотя чего это я. Прежде Лихо сразу пыталась выпить жизненные силы, а не разговаривала.

Вместо продолжения препирательств я подошел к самоцвету и поднял его. Учитывая прошлый опыт, теперь я сильно сжал драгоценный камень, после чего влил хист. И почувствовал, что бриллиант в руке словно ожил. Он рвался прочь, подобно крохотной птахе, которую заперли в клетке.

– Пойдем, – качнул я головой Лихо. – Видимо, ночевать мы сегодня будем не здесь.

И самоцвет ака часть артефакта – часть корабля повел нас по петляющим коридорам. Будто бы специально хотел запутать. Если честно, в какой-то момент в мою буйную головушку действительно закрались сомнения. А что, если артефакт оберегает себя от влияния чужого хиста?

Нет, едва ли нас ждет очередной волот. Не засаливал же их Аптекарь в голодный год. Однако волчьи ямы с какими-нибудь пиками точеными вполне мог приготовить.

Видимо, судьба решила, что сегодня она и так порядочно поиздевалась надо мной. Потому что ярко проиллюстрировала, что нам ничего не угрожает, обернув все это в праздничную обертку. Та, в свою очередь, заключалась в огромном зале, который был наполнен... трупами.

Я сначала опешил, не решаясь двигаться дальше и рассматривая мертвых рубежников, уложенных где рядом, а где и буквально штабелями. Что самое невероятное, создавалось ощущение, будто они погибли совсем недавно. У некоторых едва-едва запеклась кровь.

Правда, зрелище все равно оказалось не для слабонервных. Градислав, подчиняемый артефактом, мало заботился о том, чтобы рубежников после смерти можно было опознать. Главное – нейтрализовать угрозу. Поэтому часто встречались изуродованные лица и развороченные тела.

Пол под мертвыми был влажным, липким, а воздух резким, железным. Без всякого намека на то, что здесь практически братская могила.

– Много рубежников на артефакт с-с-с... зарилось, – протянула Лихо. – Наверное, у некоторых и при себе что осталось.

Понятно, что на Юнию мертвецы никакого впечатления не произвели. Тогда как я схватился за стену, пытаюсь унять подкатывающий к горлу ком. Ответить ей удалось не сразу. Иначе вместе со словами я бы изверг ужин.

– Мародерствовать сегодня нет никакого желания.

– Какой ты, Матвей, с-с-с... непрактичный.

– Уж прости.

Лихо меж тем пробежалась мимо сваленных тел, словно участвуя в какой-то непонятной игре.

– Смотри, а каждого камнем придавил.

Действительно, каждый несчастный охотник за сокровищами был упокоен по всем хистовым правилам. Интересно, это уже сам Градислав понял или артефакт подсказал? В любом случае решение верное. Поднявшаяся нежить в лабиринте артефакту, по-видимому, была не нужна.

Свои предположения я высказал Юнии. И она с ними неожиданно согласилась. Что интересно, непродолжительный разговор слегка расслабил меня (насколько это вообще было воз-

можно в текущих реалиях). Видимо, порой действительно необходимо почувствовать, что ты не один.

– Ну, ты чего застыл, с-с-с?... – прервала мои мысли Лихо. – Ждешь, пока тебя начнут называть Выборгский Некрофил?

– Если ты шутишь, то это должно быть смешно, – нахмурился я.

– Так мне с-с-смешно.

– Угу, правильной дорогой идешь. Скоро будешь по субботним вечерам на телеканале «Россия» веселые номера из жизни показывать.

Юния юмор не выкупила, потому ничего не ответила. Видимо, на этом и строилась история наших гармоничных отношений. Одна сторона не понимала, о чем говорит другая.

Мы пошли дальше, благо, следующий зал, чуть поменьше этого, оказался пустым, а за ним и вовсе начался очередной коридор. Самоцвет теперь не просто подергивался, а буквально рвался из рук, пытаюсь своими гранями порезать мои пальцы. Это при том, что я как мог снизил закачку хиста. Немного подумав, я вообще прекратил «подачу» промысла. Как оказалось, не зря.

То, что мы почти достигли цели, стало ясно по дорожке яркого света, которая ложилась на кирпичный пол коридора из-за очередного поворота.

Лихо недоуменно остановилась, обернувшись на меня.

– Слишком ярко, – объяснил я. – Надо, чтобы глаза хоть чуть-чуть привыкли.

– С-с-с... люди... – немного высокомерно ответила нечисть.

Но все же терпеливо подождала, пока я не привык к свету. А затем мы пошли дальше. Признаться, не без определенного волнения. Потому что входить туда, где что-то охранял застывший во времени волот, было немного страшно.

Первое, что я хотел сделать, оказавшись на пороге самого громадного из всех залов, – это выругаться. Матом, само собой. А как еще прикажете русскому человеку искренне восхититься?

Огромные своды помещения уходили вверх и терялись в темноте, освещаемые громадной люстрой с направленными вниз свечами. Тем противоречие знакомым законам физики никак не мешало гореть. Само средоточие лабиринта представилось внушительным муравейником, куда вело множество «тропок»-коридоров. Самое офигенное из пространственной магии, что я видел.

Здесь было много чего: несколько старых, покрытых пылью столов с мензурками и ретортами, с десяток внушительных книжных шкафов, мягкие кресла под старинными свечными торшерами, запертые сундуки. Однако все мое внимание оказалось приковано к величавой статуе в виде здоровенного мифического создания с телом и задними лапами льва, а головой, крыльями и когтями – орла.

– Грифон, – замороженно сказал я.

– Догадливый, с-с-с... – протянула Лихо.

Именно от этого каменного изваяния и веяло силой. Скажу больше, складывалось ощущение, что этот грифон вполне себе живой. И будто только и ждет часа, чтобы пробудиться.

Я неторопливо обошел статую, которая по высоте превышала мой рост. И отметил одну особенность. Левый каменный глаз существа был на месте, а вот правый отсутствовал – глазница зияла пустотой. И что-то мне подсказывало, что у меня имелось то, что можно было поместить в эту нишу.

Выданный волотом самоцвет не просто подошел. Стоило мне поднести его к пустой глазнице, тот выскочил из рук, плотно встав на свое законное место.

Дрогнул пол, будто бы даже качнулись в темноте своды. А у меня внутри все оборвалось. Неужели сейчас все начнет рушиться и мне опять придется уносить ноги?

Но нет, обошлось. Более того, даже грифон не ожил. Разве что отъехал в сторону, обнажая уходящие вниз крутые ступени.

– Дай я вперед с-с-с... пойду, – отодвинула меня Юния.

– Это что-то из нового феминизма? Или ты пытаешься сделать из меня джентльмена?

– Просто зная тебя, ты, с-с-с... опять попытаешься умереть.

Я даже не нашелся что сказать. Было в словах Юнии некоторое зерно правды. Она двинулась первой, но, к моему облегчению, скоро подала голос:

– Давай с-с-сюда.

Я спустился так проворно, что даже потрогал копчиком последние ступени лестницы. Довольно тщательно, надо сказать. Аж слезы на глазах выступили.

– Знаешь, мне кажется, что твои неурядицы не с-с-с... всегда можно списать на неудачу. Ты с-с-скорее растяпа. Или, как говорит твой бес, – рукожо...

– Да понял я, понял, – перебил я ее. – Что за характер? Вместо того, чтобы пожалеть или хотя бы дипломатично промолчать, ты еще и соль на рану сыпешь?

– Я разве что-то с-с-с... сыпала на твою задницу?

– Ой, все, – предъявил я главный аргумент, после которого заканчивался любой разговор.

К тому же в небольшом подвальчике, ярко освещенном одним источником света, было кое-что интересное. Что затмевало любые препирательства.

Начнем с того, что здесь находился Осколок. Только дело в том, что он в то же время являлся частью небольшого сложного механизма, установленного на каменном постаменте. По всей видимости, это и был тот самый артефакт. Хотя больше всего он напоминал какой-то прибор, который могли бы использовать последователи культа Адептус Механикус. Даже рубежный мир засрали своей Вахой, благослови вас всех Император.

Что, кстати, было логично. Нет, не Ваха, а Осколок. Только он мог так долго питать столь сложное устройство. По сути, это было нечто вроде карманного ядерного реактора. Неудивительно, что от воздействия Осколка организм даже такого сильного существа, как рубежник, разрушается.

Еще перед артефактом лежала раскрытая толстенная книга. Я смахнул пыль со страниц и прочитал: «Въ случаѣ надобности расширить зону, подвергаемую въздѣйствию образца № 4, слѣдуетъ перевести роликъ № 17 въ положеніе, не превышающее значеніе 3, а то и вовсе уменьшить...»

– Что с-с-с... там? – поинтересовалась Юния.

– Руководство по эксплуатации артефакта. Ну, или образца под номером четыре, как называет его Аптекарь. Надо сказать, что парень был предусмотрительный.

– Душила, – заключила Лихо. – А с-с-с... что? Так Алена твоя говорит.

– Ты бы брала от людей самое лучшее, что они могут дать, а не все подряд.

Я вернулся к изучению постаumenta. Потому что оказалось, что это было еще не все интересное, что здесь можно обнаружить. С противоположной стороны, на здоровенном металлическом блюде, прямо под Осколком, лежало внушительное яйцо. По размерам не меньше страусиного. Хотя последних я в жизни и не встречал.

Что еще любопытнее, оно оказалось покрыто диковинной золотой вязью, словно какой-то художник долго и со вкусом его расписывал. Я бережно взял яйцо, чувствуя, как Осколок провожает свое «дитя» расходящимися нитями энергии, а потом осторожно положил его на Слово. Заклинание, кстати, вполне себе неплохо работало внутри лабиринта.

Лихо смотрела на меня с явным неодобрением. Но я выдал ей веский аргумент:

– В договоре я пообещал передать великому князю Осколок, остальные артефакты, кроме этого, – ткнул я на странный механизм, – и драгоценности. Про яйца разговора не было.

– Как ты думаешь, почему с-с-с... Аптекарь положил эту штуковину здесь?

– Потому что она очень редкая, – объяснил я очевидный факт. – И ее, если что, можно будет продать. У меня как раз напряженка с деньгами. А по поводу конвертации рублей в лунное серебро Лео еще не узнал.

Во взгляде Лихо сквозил такой скепсис, из-за которого во многих семьях и начинаются ссоры. Потому что так смотреть, внушая всю гамму эмоций, может только женщина. Вроде и не сказала ничего, а ты все понял. Что забавно, подобное совершенно не работает с намеками. Как у них все это сочетается, понять не могу.

– Ты лучше скажи, ты готова?

– Нет, с-с-с... Я до сих пор считаю, что это плохая идея.

– Наверное, мы как-то слишком далеко зашли, чтобы поворачивать назад, – я нахмурился. – Тебе всего-то и надо будет, что довести меня до полусмерти.

– «Всего-то и надо», с-с-с...

Она вроде как пыталась ответить иронично, но получилось скорее зло. Я же ее уже не слушал. Глаза боятся, а руки делают. Я помнил, как Лихо вернула себя после гибели Созидателя, поэтому в ней нисколько не сомневался. Ну, пригубит немного моей жизненной силы. Всем лучше будет. Ладно, почти всем. Зато великий князь поймет, что я полностью выложился и автоматически не могу быть причастен к тому, что произойдет в сокровищнице. Или уже произошло.

Я решительным движением вынул Осколок из каймы механизма, разрывая давнюю связь артефакта, или устройства номер четыре, с самой мощной батареей из возможных. И тут начало происходить что-то нехорошее.

В который раз за день все вокруг стало трястись. Нет, еще немного – и впору в Японию переезжать, раз я такой привычный. Черт, да чего опять эта дурацкая страна в голову лезет?

Я лишь успел схватить Четверку (как прозвал артефакт, к слову, весьма тяжеленный) и с трудом запихать ее на Слово. А следом побежал наверх вслед за Лихо.

Выбрались мы в совершенно другое место. Точнее, так показалось сначала. Если первое помещение напоминало тронный зал какого-то богатого короля, то нынешнее смахивало на заброшенную секцию разворованной библиотеки. Несколько сваленных шкафов с иссохшими книгами, те же два стола с мензурками, только теперь потрепанные, словно видевшие лет пятьдесят одних тупых студентов, да парочка разваленных кресел. Никакого намека на странную люстру. И вместо красивой статуи – каменная глыба в духе Церетели.

Из всего ценного остался лишь один сундук с амбарным замком. Судя по хисту, исходящему от него, зачарованный. Ладно, пусть люди князя разбираются. Я сегодня щедрый.

Выход из центральной части лабиринта теперь остался лишь один. Думаю, по нему можно за считанные минуты добраться до Алены.

Единственное, что напоминало о недавней реальности происходящего, – самоцвет у моих ног. Я поднял его, напряженно думая, прокатит или нет. И вместе с тем отвечая для себя на главный вопрос: обычный это камешек или часть чего-то большего?

Когда самоцвет покорно лег на Слово, ответ запросился сам. «Бриллиант» – часть Четверки. Тоже неплохо. А великому князю пусть достается антиквариат в виде мебели и сундук. Ну, и Осколок, само собой. Вот только есть вероятность, что он ему не поможет.

Я еще раз оглядел помещение, которое теперь было размером не больше единственной комнаты в моей старой квартире. Квадратов семнадцать. А потом все же повернулся к Лихо:

– Юния, у нас нет времени. Давай.

– Я... Не хочу, с-с-с... Я боюсь.

– Ты самая сильная и умная нечисть, которую я встречал. У тебя все получится.

– С-с-с... спасибо.

– Вот видишь, подбадривать не так уж и сложно. А ты – «рукожоп, рукожоп».

– Помолчи уже...

Рука Юнии легла на плечо. И мне будто кто-то прямо по легким ударил, выбивая весь воздух. Пол под ногами исчез, а я провалился в какое-то несуществующее место. И единственное, что я мог сейчас делать, – лишь мерцать.

Интерлюдия

Несмотря на усилия Вредителя, дождь все-таки пошел. Подлыми предателями тучи подобрались сбоку, уперлись в непреодолимую магическую преграду, да там и вспухли. А после обрушились ливнем на землю, сдуваемые мерзким ветром в сторону князя.

Наверное, скажи Святослав лишь слово, кто-то из рубежников-синоптиков – а были в ведении великого князя и такие – без труда справился бы с неприятностью. Для того чтобы отогнать мерзкую тучу, хватило бы самого завалищего ведуна. Однако сейчас правителя Новгорода и окрестных земель не особо заботила стекающая по лицу вода. Святослав был собран как никогда. Его внимание оказалось приковано к крохотному проему башни, куда вошел Матвей. И до сих пор не торопился выходить, хотя времени прошло уже порядочно.

Несколько раз асфальт под ногами ощутимо трянуло, натягивая нервы еще больше, на манер гитарных струн. Великий князь искусал губы, но не шевельнулся. Когда башня и все вокруг нее задрожало во второй раз, а потом в третий, пришло даже некоторое успокоение. Значит, рубежник еще жив, раз лабиринт так отзывается на его действия.

И, наконец, в темном проеме показалась фигура. Святослав подобрался, весь обратившись в слух, а после недовольно и даже несколько удивленно повел бровью. Приспешница мальчишки. Ей-то что надо?

– Скорее, он там! Матвей! Ему нужна помощь! Волот мертв! Матвей ранен!

Она бегала от одного кощея к другому, то хватая за грудки, то запросто ударяя куда придется. Больше всего пустомеля сейчас напоминала мечущуюся по клетке птицу. Наконец она взглянула на великого князя. Посмотрела не как обычная подданная, а с вызовом, словно равная. Святослав скривился и хотел было приказать, чтобы ее убрали отсюда. Но неожиданно для себя весь напрягся. Внезапная резь полоснула живот, как от пропавшей еды, которую он по ошибке съел. Очень странное ощущение, испытываемое очень редко.

У каждого нарушение клятвы проходило по-своему. У некоторых вдруг «укорачивались» рубцы. То есть сделать ты что-то мог, но вот на восстановление хиста могло уйти несколько дней. У других прекращалось любое возможное развитие промысла. Но это все легкие последствия. Были и те, кто становился инвалидом или вовсе серьезно заболел, а после умирал. Нарушения данного слова всегда сказывались на хисте индивидуально.

Однако существовал еще такой нюанс, как предчувствие нарушения клятвы. Святослав много слышал различных вариаций на эту тему: резь внизу живота, невероятная мигрень, онемение правой руки, нестерпимая зубная боль. У великого князя предчувствие нарушения клятвы тоже было связано со чревом. Его охватывало состояние страха обделаться. Хотелось упасть, схватиться за живот и свернуться в позу эмбриона. А выход из подобной ситуации был очень простой – сдержать данное слово.

– Шершень, Зубило, Лютый, Буревестник – внутрь! Проверьте все и помогите Матвею! – Он замолчал, вспоминая данный договор, и добавил: – Ну, или вытащите его сюда.

Кощеи вздрогнули, явно меньше всего на свете желая услышать собственные прозвища. Однако могли ли они сейчас послушаться прямого приказа князя – на глазах у всей дружины? Скажи ныне Святослав прыгнуть в котел с раскаленным маслом – прыгнули бы. А Лютый, который несколько раз лично встречался с Бедовым, глядишь, стал бы даже немного симпатичнее после подобных купаний. Великий князь не любил смотреть на откровенно уродливого кощея. Возможно, потому и решил сейчас отправить внутрь. Каждый раз, когда обводил взглядом свое воинство, Святослав все равно завороченно смотрел на это ассиметричное лицо.

Кощеи неторопливо, точнее, не так быстро, как могли бы это сделать, пошли вслед за взбалмошной пустомелей. Та все время подгоняла их и будто бы даже совсем не боялась рубежников.

Так, один за другим, кощей и приспешница Бедового скрылись в башне. И вот теперь время потянулось еще медленнее. Словно бы даже вовсе остановилось.

Великий князь нервно теребил заусенцы, обдирая кожу почти до мяса, сам превратившись в один сплошной нерв. Наверное, от Святослава сейчас можно было прикуривать. Правда, едва ли кто мог позволить себе такую дерзость.

И наконец они появились вновь. Причем в полном составе.

Впереди опять бежала глупая приспешница, скорее больше мешая, чем помогая остальным. За ней шествовал Лютый, неся на руках Бедового. Следом шагали Зубило с Буревестником, таща массивный старый сундук, а замыкал процессию Шершень с рюкзаком Матвея.

Впрочем, все внимание Святослава оказалось приковано к позе Бедового и тому, что он держал.

Рубежник напоминал спящую царевну, которую еще не успели положить в хрустальный гроб. Лицо его было безмятежно, но в то же время безжизненно. Тонкая пергаментная кожа с одной стороны словно стесана наждаком, с другой побелела до невозможности; бескровные белые губы чуть подернулись в последней улыбке, а глаза Матвея оказались закрыты. Дождь моросил по неживому лицу, словно перед ратниками лежала статуя из мрамора.

И еще великий князь не почувствовал хиста. Даже самый обычный чужанин источал промысел. Пусть очень слабо, почти незаметно для большинства рубежников. Однако любой кощей мог распознать подобное. Вот и Святослав почувствовал. Точнее, не ощутил. Матвей был выпит почти досуха.

Но больше всего великого князя заинтересовала поза Бедового. Будто кто-то положил его именно так, со сцепленными в замок на груди руками. Под которыми лежал он. Осколок. Истинное сокровище и последний элемент в цепи того, что требовалось Святославу для победы.

Как повелитель всего Новгородского княжества оказался возле Бедового, он и сам не помнил. Сознание, доведенное до предела страхом возможной неудачи и долгим ожиданием, играло со Святославом дурные шутки. Сейчас вся реальность сузилась до этого небольшого Осколка, казавшегося для правителя истинным светочем.

Он схватился за него и, царапая, стал вырывать из безжизненных рук рубежника. Что, на удивление, далось не просто. Казалось, последней целью существования мальчишки было насолить великому князю и здесь.

Едва не сломав пальцы Матвею, Святослав все же завладел тем, что считал истинно своим. И, только почувствовав силу, которая искрилась внутри Осколка, радостно заулыбался. Как шестилетка, впервые в жизни проехавшийся на велосипеде.

Да, Осколок оказался заполненным не до отказа. Но все же вполне подходил для поставленной задачи. Он станет частью цепи батарей, которая нужна для ритуала.

Теперь все закончено. И вместе с тем именно теперь все начнется. Цель, которую он ставил еще подростком, достигнута. Трусливый отец за всю жизнь не смог сделать ничего настоящего великого. А Святослав войдет в историю еще молодым человеком. К своей зрелости он станет повелевать этим миром.

Увлечшись мечтами, он не сразу понял, что проклятая реальность все еще существует. В ней идет дождь, пахнет чем-то кислым, а неприятный во всех отношениях Лютый что-то говорит.

И тут же почувствовал мощь, которая искрилась в Осколке, словно призывая его. Руки задрожали от необъяснимого предвкушения, которое возникало каждый раз близ кристаллов.

Святослав махнул Вредителю, чтобы тот подошел. А когда отдал Осколок, облегченно выдохнул. И обернулся к Лютому.

– Повтори, – приказал он кощейю.

– Все так, как говорила его приспешница. Мы вошли в лабиринт. Правда, тот оказался не таким уж обширным. Всего несколько внушительных залов и с десятков коридоров. Нашли волота под обломками, нашли мертвых рубежников.

– Ближе к сути, – нетерпеливо бросил Святослав.

– А потом мы обнаружили его. Уже в центре. Непонятно, что случилось. У него никаких серьезных ран. Разве что вон лицо поцарапано. Думаю, там находилась какая-то ловушка Аптекаря, которую он активировал, взяв Осколок.

– Да, возможно.

– Нашли еще запертый сундук и его рюкзак. Прочее – всякая рухлядь.

Святослав слушал вполуха. Ему было все равно, что там рассказывают про остальные предметы, найденные в лабиринте. А еще великому князю было совсем не интересно, что там случилось с Бедовым. Правда, вместе с тем правитель испытывал нечто вроде легкого разочарования. Все это время Матвей представлялся шилом в заднице, а теперь вдруг так глупо и скоропостижно закончился. При этом выполнив свою миссию.

Это можно было сравнить с куском любимого торта, который долго пекли, но тот неожиданно оказался слишком сладким. Таким приторным, что его невозможно взять в рот. Великий князь сам удивился своему «человеколюбию», как он это называл. Ведь можно сказать, что он в определенном смысле жалел о смерти того, кто его бесил. Правда, не учитывал, что жалел о легкой смерти.

Князь даже уже собрался развернуться, но Лютый вновь открыл свой уродливый рот:

– Ваше Величество, что с ним делать?

Чем привел Святослава в искреннее недоумение. Великий князь не предполагал, что с Бедовым нужно что-то делать. Он исполнил необходимую роль и теперь с чистой совестью мог уйти со сцены. Свою часть уговора Святослав выполнил. С помощью ратников вытащил Матвея наружу, как и должен был.

– Ну, не знаю. Похороните где-нибудь.

– Он еще жив, Ваше Величество.

Святослав раздраженно положил руку на грудь Матвея. Да, сердце медленно, но билось. А хист, точнее, крохотные его остатки неподвижным озерцом плескались на дне воображаемого сосуда. Даже если вдруг случится чудо и Бедовый выживет, то останется магическим калеккой.

Первым желанием было сказать, чтобы Лютый бросил его прямо тут. Хиста Матвея не хватит даже на то, чтобы укрыться от чужан. Те найдут его, определят в какую-нибудь больницу, где он несколько месяцев будет находиться в состоянии овоща. Помрет или выживет – это даже неважно.

Однако тут же Святослав себя мысленно одернул. Подобного нельзя делать на виду у всех ратников. Бедовый, несмотря на все, – его подданный. И тем самым великий князь покажет, что для правителя его люди являются расходным материалом. Конечно, так оно и есть, однако дружине это знать необязательно.

Прежде бы к нему подошел Башка и нашептал правильное решение на ухо. Теперь Марат сбежал. Испугался и сбежал.

Святослав думал, что хорошо знает свою правую руку. И что Башка, услышав о планах правителя, попытается остановить его. Однако у Марата кишка оказалась слишком тонка. Он решил удрать, скрыться в надежде, что его не найдут. Найдут и накажут за предательство. Как только придет время.

– Отвези его на квартиру. Позже придумаем, что с ним... как ему помочь, – тут же исправился великий князь.

Святослав уже развернулся и даже сделал несколько шагов по направлению к аптеке. Его мысли были заняты самым важным – предстоящим ритуалом, который, конечно же, великий князь собирался провести незамедлительно. Однако крики и брань за спиной заставили обернуться.

Вниманию правителя предстала странная картина. Над Лютым проворно кружила сирина в серой скособоченной футболке Рима. Кружила с упорством голубя, увидевшего в руках прохожего кусок батона. Она хлопала крыльями по лицу кощея, но вместе с тем не пыталась расцарапать физиономию рубежнику или впитаться в того когтями.

За свою жизнь Святослав не видел сирина. Нечисть редкая, ценная, и в то же время просто убить ее невероятно тяжело. Под силу разве что кощею. Говорили, что на севере осталась пара гнезд, в приличном отдалении от людей. Впрочем, Никитинский никогда не испытывал особого интереса к нечисти. Однако сейчас не мог не признать определенной привлекательности сирина.

А еще вспомнил донесения группы наблюдения за домом. Что именно подобная птичка, совсем редкий гость для Санкт-Петербурга, пыталась напасть на проходную чужанку, когда та оказалась близ Матвея. Само собой, Лютый не тянул на женщину. Впрочем, и сирина не торопилась навредить кощею.

То, что пыталась сейчас сделать нечисть, можно было бы назвать самоубийством. Стоит щелкнуть пальцами – ратники разорвут ее на части и от несчастной не останется даже мокрого места. Однако великий князь неожиданно вновь ощутил подкатывающее к животу чувство грядущей опасности. Договор? А он здесь каким боком?

– Не трогать ее! – прокричал он, прежде чем что-то понял.

А когда нечисть ухватилась за Бедового, целуя и рыдая над ним, запоздало осознал. Она – тоже часть его так называемой команды. Ведь Матвей сказал, что будет набирать тех, кто поможет ему с походом в башню, сам. По всей видимости, сирина не понадобилась.

Святослава посетила мысль, что Бедовый был все-таки странным рубежником. Как же он легко сходил с нечистой! Бес, черт, сирина, леший близ Выборга. Великий князь даже не удивился бы, если он у себя в хозяйстве нашел место верлиоке или злыдням. Или, чего доброго, вообще Одноглазое Лихо приютил.

О том, что сирина принадлежала именно Матвею, свидетельствовал и следующий факт. Как только нечисть стала причитать и убиваться, роняя свои крокодильи слезы, к ней подошла приспешница Бедового. Она приобняла сирина, как старую подругу, и стала медленно гладить ее по голове, стараясь утешить. Вот ведь, тоже, нашли невесту для мертвого рубежника.

Впрочем, не прошло и нескольких секунд, как сирина неожиданно отстранилась от тела Матвея. Она глядела на него странно, точно впервые увидев. И ее лицо выражало крайнее неодобрение, если не сказать большего.

– Какой некрасивый мертвый рубежник, – произнесла она.

От услышанного Святослав чуть не захохотал. Он ожидал почти всего, но явно не этого.

Следом сирина посмотрела на себя и, к радости многочисленных рубежников, стала раздирать серую футболку, в которую была облачена. Подобным образом явно освобождаясь от какой-то ей одной известной клятвы. Святослав и сам невольно залюбовался красивым телом сирина. Ее высокой грудью, осиной талией, крепкими круглыми ягодицами. Интересно, как с такими формами она держится в воздухе?

К тому моменту приспешница, словно стесняясь, отошла на шаг от нечисти. И та вдруг неожиданно подняла голову, разглядывая Лютого. И выдала такое, от чего не только великий князь, но и все остальные прыснули от смеха:

– Какой красивый рубежник.

Кощей, все еще державший Бедового, покраснел, как невеста на выданье. Однако и это оказалось не концом представления.

– Как тебя зовут? – спросила сирин.

– Ол-л-лег. Лютый, – чуть запинаясь, ответил рубежник, будто бы даже не по собственной воле, а зачарованный некой неведомой магией, исходящей от сирин.

– Красивый рубежник, – повторила нечисть. – Красивое имя. Я буду тебя любить, Лютый Олег.

А после легко взмыла в воздух и словно растворилась в ночном небе.

Эта незатейливая сценка сняла все напряжение. Рубежники хохотали и подтрунивали над кощеем, который явно отошел от наваждения и теперь не знал, куда себя деть. Словно не было башни, подземных толчков, вытасченного полумертвого тела.

Люди всегда остаются людьми. Даже рубежники. Нельзя все время жить в страхе. Нельзя все время ожидать чего-то ужасного. В какой-то момент твоя психика не выдержит. Поэтому ты начинаешь искать что-то, что поможет тебе справиться с неадекватностью этого мира.

Святослав знал, потому что сам был таким. Он слишком долго корпел над своим планом. И теперь, когда все удалось, да еще подвернулся случай, хохотал вместе со всеми. Понятное дело, что на этом фоне трагедия одного рубежника, Бедового, была забыта.

Великий князь даже не заметил, куда исчезла приспешница. И что рюкзак Матвея, который Шершень положил поверх закрытого сундука из лабиринта Аптекаря, исчез. Да и надо ли было обращать на подобное внимание? Какие-то незначительные пустяки.

Вредитель, словно почувствовав настроение господина, закрыл «проход» для полной луны, и тучи поплыли дальше, заливая Петербург дождем. Башня вздрогнула, зашевелилась и начала расти обратно, неторопливо удлиняясь и закрывая проход в собственное чрево. В истории Аптекаря и его сокровищ, по мнению великого князя, была поставлена точка.

Стали сниматься защитные и отводящие глаза чужанам печати, развеялись немногочисленные заклинания. Впрочем, к выходу все потянулись только после того, как Святослав в сопровождении пары кощеев и крона прошел первым.

Великий князь сел в машину и приказал ехать так быстро, как только возможно. Его руки еще сохранили тепло Осколка, в котором плескалась сила, а душу грела мысль о скором исполнении главной мечты жизни.

Но Святослав еще не знал всех сюрпризов, которые приготовила ему судьба. Если бы великий князь был суеверным, он мог бы предположить, что вместе с Осколком выпарапал из рук Матвея его невезучесть.

Интерлюдия. Драконы

Алексей Вредитель почувствовал, что что-то не так, когда они только подъехали к летнему дворцу Петра I, как его называли чужане. Или сокровищнице великого князя Новгородского, как именовали это место особо приближенные к тайне. Крон был не в силах объяснить причину своего плохого предчувствия, но нечто черное, мерзкое, склизкое выползло наружу и точно отравило страхом его душу.

– Всем стоять здесь! – крикнул князь кощеям из ближней дружины, оставив тех возле входа. Разве только Вредителю добавил короткое: – Алексей...

Крон понял все без всяких намеков. Они прошли по комнатам, открытым для чужан-туристов. Ибо каждый знает, что самое важное, что ты желаешь спрятать, следует оставлять на видном месте. Так было и с сокровищницей князя. Точнее, со зданием, находящимся над ней. Многие гуляли здесь, порой делясь мыслями, что испытывают небывалое воодушевление, даже не предполагая, что является истинной причиной подобного.

Вредитель спустился вниз первым, прощупывая хистом окружающее пространство. Все было в порядке, включая защитные печати. Разве что главная из них, «фамильная», потемнела и словно ослабла. Но тут Алексей не стал строить никаких предположений. Печать была закрыта от посторонних глаз. Лишь кто-то из Никитинских мог вносить в нее изменения.

А после крон замер перед каменной аркой. С одной стороны – обычным проемом, даже дверь забыли поставить. С другой, никто из посторонних, включая его, не в состоянии проникнуть сюда. Нет, может, и был какой-то таинственный ритуал или какая обманка, но Алексей о ней не знал.

Великий князь провел рукой по защитному куполу и вбежал в сокровищницу. Следом за ним вошел молчаливый крон, занявший место возле входа. Как делал всегда прежде. Как сделал и в этот раз, даже не думая, какие невероятные сюрпризы принесет ему сегодняшнее посещение.

Первое, что бросилось в глаза Вредителю – темнота, царившая в сокровищнице. Обычно ее освещал яркий свет Осколков. Но не сегодня. Тьма стала единственным хозяином кладези богатств великого князя, стыдливо пряча во мраке пустые постаменты. Оттого крик Святослава, который напоминал рев раненого зверя, прозвучал еще более устрашающе.

Алексей, проживший долгую жизнь, невольно вздрогнул.

Великий князь заметался по сокровищнице подобно птице с перебитым крылом. Он бросался то к одному постаменту, то к другому. Трогал пустой бархат, на котором прежде лежали Осколки, бешено мотал головой и не мог поверить очевидному. Его богатство, то, что он так долго собирал, исчезло.

Вдруг Святослав застыл. Словно очнулся. Тень безумия, которая легла на него, развеялась, и правитель обернулся. Но посмотрел не на Вредителя, а на фамильную печать. Он оказался подле нее в одно мгновение, бережно трогая поврежденные контуры. Теперь и Алексей, благодаря действиям князя, различил вмешательство в защитную форму. И даже словно почувствовал хист знакомого ему кощея.

Сегодняшний день принес немало удивления. Однако сейчас Вредитель хмурил брови от очередного непонимания. Как мог Ткач, пусть и кощей, пробраться сюда? Как ему удалось нарушить фамильную защитную печать? Бред.

Видимо, великого князя обуревали те же самые мысли. Но было еще что-то. Заставившее Святослава наклониться к полу и провести по каменным плитам пальцами. Собирая не грязь – пепел.

– Я думал, ты умнее, – негромко, с горькой усмешкой сказал он.

– Не понимаю, Ваше Величество, – честно признался Вредитель, разглядывая черные от сажи пальцы Святослава.

– Огонь может уничтожить многое. Кроме крови. А кровь всегда несет хист того, кому принадлежала.

– Ваше Величество... – нахмурился крон, еще не понимая, что имеет в виду правитель, но чувствуя его дурное настроение и угрожающий тон.

– Я не представляю, что это за ритуал. В любом случае мощный. Кровь крона, хист кощея. А сейчас ты, наверное, убьешь меня, так?

– Ваше Величество, это какая-то ошибка. Я всю жизнь служил вам верой и правдой. А прежде служил вашему отцу.

– Тебе не привыкать видеть смерть князей и выбирать новых, ведь так?

Шея крона запунцовела от злобы, а лицо пошло пятнами. Но он сдержался. Мальчишка всегда был гневлив и скор на выводы. Надо лишь дать ему остыть, пусть в текущих реалиях это и казалось почти невозможным.

– Вы ошибаетесь, Ваше Величество, – торопливо проговорил Вредитель. – Я не имею никакого отношения к тому, что произошло.

– Не имеешь?! – в глазах Святослава плескалось плохо скрываемое безумие. – Хорошо. Тогда отдай мне Осколок, – тон правителя изменился в одно мгновение. Из угрожающе-презрительного стал почти елейным.

– Осколок?

– Да, тот самый, который достал Матвей. Если ты поистине верен мне, то это не вызовет у тебя сложностей.

Сначала Алексей правда хотел это сделать. Потому что знал истинную силу Осколков. Как ведал и о проклятии, которые они носят в себе. Великая сила и не менее страшная плата за это.

К тому же он был верен князю. Все то время, пока служил ему. Он выполнял любые поручения, не раздумывая над их справедливостью.

Однако теперь все изменилось. Крон вновь взглянул на Святослава и понял, что этого делать нельзя. Не сейчас. В глазах великого князя теперь плескалось столько черного безумия, что даже такой опытный и старый крон, как Вредитель, невольно поежился. Осколок, кощей и фамильная печать. Адский коктейль, который может совладать даже с кроном. А судя по всему, ныне великий князь был намерен только карать.

– Ваше Величество...

– Осколок! – потребовал правитель.

– Сейчас лучше всего...

– Просто дай мне этот гребаный Осколок!

Рука Святослава дрожала, как у забывшего похмелиться пьяницы. А сам он предстал больным от нервного истощения человеком. И тогда Алексей Вредитель опустил глаза и отрицательно помотал головой. Он знал, что иногда ради общего блага даже правителю нужно отказывать.

Вот только не ожидал того, что произойдет после. Боль от заклинания перебила дыхание и оставила глубокие порезы на груди. Вдвойне было обидно от того, что когда-то он сам показал формулу «Когтей» Святославу.

Впрочем, следующую атаку Алексей уже встретил во всеоружии. По-драконовски. Его способность создавать огненный щит была как нельзя кстати. Все заклинания, которые Святослав обрушивал на него, разбивались о невидимый купол.

И князь, несмотря на внезапную лихорадку безумия, изменил тактику. Он перестал пытаться пробить защиту Вредителя, вместо этого поместив свою руку в печать. И стал загребать энергию прямо оттуда. Невероятное по глупости действие. Невероятное по силе решение.

Сколько было там магической энергии – одному лишь богу известно. Однозначно меньше, чем в Осколке, но все же очень много.

– Ваше Величество, одумайтесь, – пытался воззвать к благоразумию крон.

Он бы мог еще все простить. Включая капающую с груди кровь. Однако Святослав отказывался прислушаться к голосу разума. Крон медленно, вдоль стены, добрал до выхода, но тут обнаружил неприятную новость. Великий князь закрыл проход, не собираясь выпускать его отсюда.

– Осколок! – повторил он.

– Нет, – твердо сказал Вредитель.

И тогда Святослав ударил вновь. Даже по немногочисленным деталям было видно, что правитель не готов к мощи, какую давали кощеевская сила и фамильная энергия, которой здесь оказалось подчинено все. Ногти на опущенной в печать руке потрескались и расслоились, кожа сморщилась и потемнела, некогда красивое и гордое лицо осунулось, заострилось.

Но и эффект превзошел все ожидания. Зазубренная стрела, или нечто, напоминающее знакомое заклинание, пробило щит, и плечо крона взорвалось болью.словно по нему ударили чеканом и раздробили на части.

Кто знает, будь мука не такой сильной, может, крон попробовал бы сдержаться. Или, если бы Алексей внезапно не вспомнил прошлый раз, когда его щит смог пробить собрат по Ордену, удалось сохранить хладнокровие. Однако теперь, на рефлексх, не думая о последствиях, Вредитель ударил наотмашь. Своим излюбленным «Кровавым штормом», благодаря которому получил так много новых рубцов. И прозвище.

Вот только боль не улеглась. Напротив, она стала ярче, глубже, будто заполняя крона полностью. Потому что он нарушил клятву. Он атаковал того, кому обязался служить.

Рубежному договору было все равно, как и при каких условиях ты его нарушил. Важна только суть. По идее, Алексею надо было стоять и ждать, пока сумасшедший князь не убьет его. Смиренно сносить все невзгоды принесенной клятвы, а не противиться ей.

Теперь Вредитель чувствовал, как тело меняется. Ломались и срастались снова кости, превращая его в мерзкого уродца. Завязывались узлами мышцы так, что он больше не в силах был поднять конечности. Осыпались волосы, кожа покрылась глубокими кровавыми язвами, рвались фасции, трескали сухожилия. Некогда широкая река хиста истончилась, грозя и вовсе высохнуть.

И это еще великий князь был жив. Алексей Вредитель видел, как тот судорожно сучит ногами и руками по полу, как из развороченной груди бурными толчками уходит кровь. Его растерзанная плоть изгибалась колесом, словно под разрядом дефибриллятора. Если бы не хист, Святослав был бы уже мертв. Теперь ничто не в силах его спасти. Крон знал свое дело.

Вредитель думал недолго. Считанные секунды. Ему даже на мгновение пришла милосердная мысль добить правителя. Вот только разум воспротивился.

Как долго он будет сам жить после смерти князя? Неизвестно. Важно лишь, что сейчас надо убираться отсюда. Никто не станет сразу пытаться понять, что произошло. А единственный способ, чтобы совершить подобное, лежал у него на Слове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.